

Елена Александровна Асеева

*Лан-Да,
властитель
небес*

том второй

Елена Асеева

**Лан-Эа, властитель
небес. Том второй**

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

Лан-Эа, властитель небес. Том второй / Е. А. Асеева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969742-4

Во втором томе фантастического романа «Лан-Эа, властитель небес» главного героя ждет не только ряд трудностей, загадок, но и сложных решений, от которых зависят ни больше ни меньше мириады жизней существ, созданий всех трех Галактик Веж-Аруджана и пяти гиалоплазматических.

ISBN 978-5-44-969742-4

© Асеева Е. А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	18
Глава пятая	23
Глава шестая	27
Глава седьмая	31
Глава восьмая	36
Глава девятая	40
Глава десятая	44
Глава одиннадцатая	49
Глава двенадцатая	53
Глава тринадцатая	57
Глава четырнадцатая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Лан-Эа, властитель небес

Том второй

Елена Александровна Асеева

*Благодарю моего старшего сына, Григория,
за помощь в разработке военного
вооружения данной части книги.*

© Елена Александровна Асеева, 2019

ISBN 978-5-4496-9742-4 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-8378-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава первая

Я прожил на Пятнистом Острожке два с половиной колохода, это когда белый и синий сроки сменяли явление на небосводе звезды Медунь и Голубой Вьялицы. И сие были самые прекрасные колоходы, лета, года моей жизни. Так как я, наконец-то, получил все, о чем только мог когда-то мечтать, бредить. И теперь купался в любви, заботе, попечении, сам также с радостью ее даря. Главный дхисадж, прабха продолжали меня баловать, кахать, исполнять все капризы...

Впрочем, я старался не капризничать и тем паче не ныть...

Под пристальным беспокойством Ковин Купав Куна, и помощи, стараниях пара-митры я вскоре освоил способности даятеситя в полной мере... Ежели, она, вообще, эта мера во мне имелась.

Посему не только с легкостью покидал и возвращался (без каких-либо последствий и без сопровождения) в собственное тело, но и делал это тогда, когда того сам желал. Опять же, я днесь мог не просто летать в космическом пространстве в любом выбранном мною пути и направлении, но и поднаторел перемещаться подобно тому, как это делали Ларса-Уту и Ананта Дэви, то есть переносился собственным сознанием моментально в то, или иное знакомое место. Ко всему прочему я научился менять форму собственного сознания, сжимая его до чего-то мельчайшего и, таким побытом, преодолевая громадные... Невероятно громадные расстояния от Ланийкдан до Вышень, от Брахмы до Сварги. Минуя их с такой скоростью, что пред мной лишь мелькали взрывающиеся от трения пылевидные газовые частицы.

Только я никогда не отпраплялся в гиалоплазматические Галактики, и старался о тех своих новых способностях не рассказывать никому. Это удавалось мне еще и потому как половину последнего колохода главному дхисаджу ни разу не удалось прочесть мои мысли. Мой диэнцефалон-тело набралось той самой мощи, при которой я более не был прозрачен, а вспять оказался весьма закрытым даже для тех, кому доверял.

Научившись сжимать свое сознание до частицы, я порой пытался вспять того растянуть его. Однако данный процесс, мне пока ни разу не удалось довести до конца, абы зачастую он заканчивался потерей ориентацией в космическом пространстве и стремительным падением в собственное тело. Такое падение, одновременно, выводило из работы всю охранную систему Медуницы, лишало на несколько часов связи с командно-охранными пунктами Волошки и Белой Лыги, гвотакой. И ровно пробивало дыры в охранных системах, даха-даятеситы, наверно, потому как при таком падении я слишком громко кричал.

Посему, когда такое случилось в четвертый раз и пришлось срочно доставлять новые даха-даятеситы, притом (как мне объяснил сам Ананта Дэви) оголив ближайшие системы асгауцев и людоящеров, главный дхисадж в категоричной форме запретил мне «творить то, что я там, вне его понимания творю». И я прекратил... с очевидностью, понимая, что пока до этого не дорос. Прекратил еще и потому как мне доверяли, отпуская одного, без присмотра и я это вельми ценил.

За данный срок я также научился сворачивать свое волнение, и мне все реже и реже была нужна помощь Никаля, хотя он продолжал следовать за мной словно тень. Вместе с тем Ковин Купав Кун давал мне больше свободы, разрешая порой путешествовать на кондрыке по берегу океана, в Эриду. Разрешая кормить огнерода, облетать Родонию и Мировию на крсне, оный также мог плыть по воде, не только летать. Мне также было позволено купаться в океане, только тут всегда под присмотром либо Ананта Дэви, а в его отсутствие Ларса-Уту и Никаля.

Впрочем, мне нравилось плавать вместе с Камалом Джаганатхом, ибо тот подобно мне мог дышать под водой. Посему, если мне удавалось уговорить сурьевича, мы, ныряя, подолгу плавали с ним в глубинах океана. На удивление весьма скупых на растительность и животный мир, где, лишь редкостью удавалось увидеть с многогранными или расплюснутыми телами сине-лазурных рыб, чуть покачивающиеся нитевидные черные водоросли и усыпающие само дно зелено-сиреневые ракушки. Однажды такие заплывы были редкостью, а бо главный дхисадж их не приветствовал, воспрещая такое творить не только мне, но и о! самому Ананта Дэви. Так как считал, что ряд растворенных в океанской воде газов может навредить не только моей коже прокачивающей их через себя, но и добавочным органам дыхания Камала Джаганатха, располагающимся у него в районе двух пластинок (с обеих сторон головы) и прикрывающих складчатой формы слуховые проходы.

Чё-Линга, все-таки, увозили с Пятнистого Острожка на лечение к амирнарху. И после возвращения он сам закрыл все подпольные собрания, где торговали бичем, хмельными напитками и свершались непристойные увеселения. Хотя мне все время казалось, что главный дхисадж мог его пролечить на гвотаке и сам, а почему сие не стал делать, долгое время оставалось не выясненным. Но так как я был настойчив в желании во всем досконально разобраться, Ковин Купав Кун, так-таки, сдавшись, пояснил мне, что в отличие от амирнарха является создателем только биологических творений. А совмещением электронных, механических и биологических информационных кодов всегда было прерогативой Раджумкар Анга Змидра Тарх, абы он и сам биоэлектромеханическое создание.

Ананта Дэви за тот срок был в Медунице всего лишь пять раз, зато с постоянством общался со мной по ситраму, почасту поправляя, успокаивая, объясняя, а коль надо и запрещающая. Таким образом, выступая, как и главный дхисадж, и прабха, в роли старшего, мудрого отца.

Между Веж-Аруджаном и гиалоплазматическими Галактиками пока царил относительный мир, прекратились даже малые нападения существ на Вышень, почасту бывшей местом раздора. ВианикшиДамо тоже замерла, более не пытаюсь со мной связаться через своих сынов-транасов. Как говорил, в таком случае мне Ананта Дэви, она всего-навсего занимается перераспределением сил и подчинением, поглощением тех маток-маскулине кои еще оставались в ее Галактике Ланийкдан.

Камал Джаганатх и сам, как я теперь знал, ибо он старался быть со мной откровенным, перераспределял силы Веж-Аруджана. А Научное Ведомство тарховичей, Центр Разработок людоящеров вкупе с иными высоконаучными структурами высокоразвитых рас занимались разработкой и внедрением нового оружия, которое должно было помочь в войне с матками-маскулине...

Войне... в оной сам Ананта Дэви никогда не сомневался.

Впрочем, сейчас между Веж-Аруджаном и гиалоплазматическими Галактиками царило затишье, какое порой бывает перед начинающимся на Пятнистом Острожке, на материке Родонии, штормом. Кой, кажется, уже в следующий момент времени приносил на себе мощные сине-красные волны, выбрасывающиеся на берег, разрывающиеся на части и оставляющие в поверхности белого песка огромные ямы, или вспять наметанные бугры, подкатывающие к самим ступеням, ровно в желании взобраться на них. В такие нечастые моменты я усаживался на первую ступень своих чертогов и смотрел, как бушевал океан Мировий, наскакивая на брег высоченными валами, выкидывая к ступеням зелено-сиреневые ракушки, тонкие нити черных водорослей, стволы и ветви деревьев. А рядом со мной неизменно сидел прабха и также любовался силой природы, мощью воды, всего только на чуть-чуть замкнутой в охранные системы тарховичей.

Мы так могли сидеть с пара-митрой подолгу, но Ковин Купав Кун завсегда разгонял наши посиделки. Полагая, что Ларса-Уту может переохладиться, абы вельми любил тепло, а я должен

отдыхать. И мы оба слушались главного дхисаджа, еще и потому как он не только помогал мне в становлении, но и, когда-то создал, и, до передачи Ананта Дэви, растил прабху, тем, наверно, заменив ему отца.

В общем, я рос, набирался сил и понимал, что то, чем сейчас обладаю лишь кроха того, чем стану пользоваться время погодя.

Глава вторая

Я торопливо выскочил по лестнице из собственной столовой, где внутри находился круглый и достаточно большой, хотя и низкий, стол (все еще полный еды) и два кресла, широких с высокими спинками и чуть вытянутыми вперед сидениями, на ходу продолжая запихивать себе в рот недоеденный пирожок. Сомкнутая стенами с трех сторон и потолком, столовая не имела четвертой и выходила тремя ступенями сразу на мостовую, в удалении переходящей в лесистую часть, где деревья стояли сплошной стеной. Они росли, таким образом, нарочно, абы смыкали проход в поселение для живших в лесу животных. Первый ряд из них представляли собой высокие деревья, значительная часть которых имела прямые и очень ровные стволы, переливающиеся лазурью круговых полос, а шатровидные кроны покрывали тонкие и длинные, на вроде лент с голубым отливом, листья. Достаточно кожистые они на концах еще и расщеплялись на более узкие ленты, потому и висели, лежали на земле, свернутыми спиралями. Такие точно ленты-листья спадали и с самих стволов, особую густоту создавая возле его основания.

А оказавшись на мостовой, тотчас принялся оглядываться, поджидая Чё-Линга, хотя тут кроме Дона и двух перундьяговцев никого не было видно. И если ордынский старшина сопровождал меня почитай от спальни, стоял возле стола в столовой, где мне прислуживал Никаль и Ель-ку, то два других ратника замерли на мостовой. Я почасту интересовался именами перундьяговцев и Дон постоянно мне их называл, но так как тех было десятка два не меньше, не старался их запомнить. Тем паче, что они зачастую имели достаточно длинные величания, а ордынский старшина, называя, также постоянно прибавлял их звания. Впрочем, если мы куда-то отправлялись с Чё-Лингом, также всегда выбирал из этих двух десятков, лишь особо сильных и достойных ратников, так, во всяком случае, говорил сам Дон. Имена этих пятерых я, опять же, не запоминал, а коротко их звал по первым: Идан, Озар, Пяст, Ярек и Ян.

Перундьяговцы и внешними данными весьма были схожи, посему ордынский старшина и тут предваряя мои вопросы, собственным постоянством мне их представлял. Понеже поколь я кушал (а кушал я теперь коль не у прабхи, то в своей столовой) ужель пояснил, что охраняют меня ноне Пяст и Ярек.

Сегодня небосвод на Пятнистом Острожке смотрелся почти сине-желтым, а все потому как вторая звезда Голубая Вялица занимая почти третью его часть, виднелась сине-серебристым диском, увитым с двух сторон чуть заметными белыми завихрениями облаков. Посему и сам свет сейчас наблюдался приглушенно-тусклым, серо-дымчатым. Он еще был таким потому как заканчивался четвертый период и третий из волглых дней. Поелику дожди несколько снизили свою силу и коль они не достигали зеленовато-белой с ярко выраженной волокнистостью (ровно переплетенной внутри белыми нитями) поверхности мостовой и стоящих нас (абы ее сверху прикрывал прозрачный купол) было заметно, как капли попадают на листву, стволы ближайше растущих деревьев.

Я, так-таки, резко передернул плечами, дожевывая пирожок, когда увидел, как со стороны чертогов главного дхисаджа (охраняемых тремя замершими, словно столбы тарайцами) по ступеням спустился на мостовую и повернулся в мою сторону сам Ковин Купав Кун, одетый в нежно-лиловый флюорит, где пришитый к материи сквозной плащ, широкой полосой свисающий вниз, был ярко-пурпурного цвета, в тон сандалиям. Понимая, что коль он сейчас увидит авитару, враз свернет нашу поездку, как это почасту делал. Ибо мы с Чё-Лингом не редкостью ни поставив никого в известность уносились на кондрыке в леса, и не брали, как того неизменно требовал главный дхисадж, для меня лодочку и в сопровождение перундьяговцев.

Сегодня был именно такой день, когда на взлетно-посадочную полосу ожидалось прибытие Ананта Дэви и негуснегести велесвановцев Аруна Гиридхари, намеревающегося присту-

пить к обучению меня гиалоплазматическому языку. И я еще загодя столкнулся с авитару, что мы без предупреждения поедим туда встречать гостей, так сказать, содеяв это сюрпризом.

– Вы кудый-то намереваетесь отбыть, ваше великолепие? – спросил Дон, замерший в шаге от меня, и лицо мое теперь перекошило на сторону. Уж так не хотелось тянуть вслед себя весь этот рой перундьяговцев (как неизменно толковал Чё-Линг). Он после лечения у амирнарха стал таким дерганым и почасту начинал свару с ордынским старшиной из-за его не нужной надоедливости, ровно провоцировал того на драку. Да только Дон лишь хмыкал в ответ и предельно учтиво, но также неизменно отвечал:

– И чё вы, достопочтенный авитару, дык психуете. Ведаете ж, я и мои робята, претворяем наказ Ананта Дэви. Ежели с тем не согласны калякайте внегда его высочество тута гостить будя.

Я, впрочем, ответил не сразу. Лишь тогда, когда повернулся влево, в сторону чертогов и увидел возле них, не только стоящего Янь-ди и двух похожих на Ель-ку существ, несущих в своих многочисленных руках продолговато-вытянутые блюда с едой, но и скачущего по направлению ко мне, и поколь еще удаленно на кондрыке авитару, привычно одетого в белую распахнутую, короткую и без рукавов, рубашку и такие же легкие, узкие белые штаны.

– Да, поедем встречать Ананта Дэви, – отозвался я, понимая, что все равно сопровождения не избежать.

– Пяст! Праджапати отбывает на взлетно-посадочную полосу, созывай наших робят и стремлеты! – весьма торопливо и низко пропыхтел ордынский старшина. И, хотя я стоял к нему спиной, затылком увидел, как он всего-навсего повел головой в сторону стоящего на ступени перундьяговца, а сам протянул в направлении моего локтя руку, пытаюсь его ухватить.

– Догоните нас Дон, мы на кондрыке! – недовольно откликнулся я и срыву отскочил вперед, понимая, что коль ордынский старшина меня ухватит за руку, придется ждать прилета стремлета. Еще я это сделал потому как, опять же, затылком (где по объяснениям главного дхисаджа у меня располагался один из органов чувств, напоминающий органы зрения, кой он называл асвадха) заметил, как в мою сторону торопливо направился Ковин Купав Кун, очевидно, намереваясь меня остановить. Поелику я сразу сошел с места и если сперва лишь шагнул вперед правой ногой, то миг спустя уже перешел на бег, зная, наверняка, что таким побытом, меня не догонит, никто кроме кондрыка.

– Ваше великолепие, обождите, – долетел до меня отрывистый с хрипотцой голос Ковин Купав Куна и я того, и боясь все-таки сдержав шаг, остановился, да тотчас обернулся. Увидев как он, преодолев половину пути, легонечко качнул головой, точно сердясь на меня, что было весьма редко, точнее даже никогда.

– Я тороплюсь, пречистый гуру, – молвил я, слыша, как более гулко затопал позади копытами кондрык, определенно, приближаясь ко мне. Что-то случилось, Ананта Дэви прилетает не на взлетно-посадочную полосу? – добавил я теперь и более шумно, испугавшись, что тогда, однозначно, не успею его встретить, ибо он не редкостью выдавал указание приземляться вайтэдромам сразу на воду.

– Во-первых, – весьма назидательно проронил Ковин Купав Кун еще толком не подойдя ко мне и, вероятно, желая сдержать мою порывчатость. – Почему вы без сопровождения, вновь не предупредили ордынского старшину о своем перемещении. Намедни мы о чем с вами толковали, хотите дабы я немедля свернул сии ваши сюрпризы? – порой тархович так говорил со мной, полагая, что я до того достаточно дорос, вроде как страшая собственной авторитарностью. Но я почитай переставший ныть, теперь сменив тактику влияния на окружающих меня созданий, в любом случае эту власть и влияние оставил в своих руках. Посему незамедлительно качнув головой, мельком кинул взгляд на стоявшего, шагах в десяти от меня, Дона, прося его о заступничестве. Ибо последний так сказать тайный наш побег с Чё-Лингом в Эрид на кондрыке (так как это было самое любимое мое средство перевозки) закончился тем, что вмале за нами прилетела крсна, и низко зависнув над лесной далью, пульнула снотворное не только

в кондрыка, но и нас. Я не помнил, как нас доставили обратно в поселение, но какое-то время не видел Чё-Линга, позднее узнав, что его в наказание Ларса-Уту отослал в Эриду, лишив права общения со мной. О моем безрассудстве было мне тогда высказано не только пара-митрой, но и пречистым гуру. И я был также, и впервые столь сильно наказан, обо меня лишили прогулок, купания в океане, и даже даятеситя... Право молвить, спустя двое суток меня простили...

– Пречистый гуру, – торопливо вставил ордынский старшина, и, сделав в мою сторону приличное количество шагов, словно подпер, не давая убежать. – Чичас тутова будят стрелеты, пушай Праджапати отбывает, абы мы его ей-ей в сиг догоним, – он это сказал, потому как в отличие от иных позволял мне ребячиться. Иноредь и вовсе вроде отпуская из поля видимости, а после в единый миг нагоняя и пристраиваясь сзади.

– Помолчите, ордынский старшина, – достаточно сурово молвил Ковин Купав Кун и, наконец-то, подойдя ко мне, остановился напротив. И Дон, враз качнув низко голову, замер на месте, точно пытаюсь, стать похожим на следующих за тарховичем и на приличном удалении тарайцев, за весь срок моего пребывания на Пятнистом Острожке и желании с ними заговорить так и не проронивших ни слова в ответ, в чем я опять подозревал их немоту.

– Касаемо сопровождения это одно, а, во-вторых, сей ночью на виомагам, кой перевозил Ананта Дэви и негуснегести в Медуницу, прибыл амирнарх, – продолжил свои наставления главный дхисадж, вызывая во мне особое волнение. Поелику я услышал, как сдержал поступь кондрыка Чё-Линг и тихонько свистнул, подзывая меня, вероятно, не желая встречаться и выслушивать от тарховича. – Вам предстоит серьезный разговор, ваше великолепие, понеже лучшим будет дожидаться прилетающих в поселении, – дополнил он, тем вводя меня еще в большую тревогу.

Абы за последние колоходы я, так-таки, привык к спокойной жизни, в том числе и в Веж-Аруджане, и сейчас намечаемая беседа, как оказывается не столько даже учеба, вызвали во мне беспокойство, которое незамедлительно отразилось на моем лице, а после и в вопросе:

– Что-то случилось?

– Да, но поколь я не стану предварять сей разговор, – отозвался Ковин Купав Кун и я, взглянув на него внимательней увидел не только, как кольшутся на его голове длинные голубовато-розовые перья с красными полосами по поверхности и бело-розовой аурой сияния на кончиках, указывая на волнение, но и пролегла по коже лба нитевидная паутинка-морщинка словно поддерживающая на себе край третьего глаза, и вовсе символизирующая его расстройство. И узрев эти противоречивые чувства тарховича, я внезапно ощутил, как сильно он мною дорожит, любит, беспокоится, на самую толику захлебываясь теми же чувствами... Теплыми, доверительными оные у нас с ним сформировались за сей срок. Посему и сам, страшась того, что может оборвать это мое правящее спокойствие, рывком сошел с места, и, раскинув в стороны руки, крепко прижался к нему, негромко и весьма нервно проронив:

– Пречистый гуру, я вас так люблю, вы мне так дороги...

Рука тарховича нежно огладила мое правое плечо и прошлась по спине, он и сам слегка наклонил голову, да улыбнувшись полными вишневыми губами, убирая из голоса любую властность, мягко произнес:

– Ох, ваше великолепие, вельми дурно пользоваться моими нежными к вам чувствами. Обаче я убежден вам стоит дожидаться тутова Ананта Дэви, абы я давеча толкуя с ним, увидел его вельми расстроенным, вряд ли он в таком растрепанном чувстве сумеет оценить ваш сюрприз.

– Ну, пожалуйста, пожалуйста, пречистый гуру, прошу вас, – молвил я сбивчиво, и, желая окончательно его разоружить, поцеловал в материя флюорита в грудь. Это действовало всегда и безоговорочно, потому я пользовался тем средством не часто.

– Все равно лодочку Чё-Линг не взял, а коль за ней послать вы в любом случае не успеете, – сделал он последнюю попытку удержать меня и вовсе, как говорится, слабую. Понеже я,

не мешкая, и вновь прикоснулся губами к его груди и разом выпустив его из объятий, срыву развернулся и побежал к стоящему напротив чертогов прабхи кондрыку и авитару на ходу крикнув:

– Благодарю, пречистый гуру! Ты самый лучший!

Я теперь всегда правильно обращался к созданиям, существам и только в уважительно-почтительной форме «вы», но порой когда хотел показать, как сильно люблю прабху, главного дхисаджа мягко им ты-кал.

– Дождитесь сопровождение, – донесся до меня обеспокоенный голос Ковин Купав Куна, а я уже добежав до кондрыка, покрытого огненно-фиолетовыми короткими перьями, протянул навстречу Чё-Лингу руку, и тот стремительно схватив ее, с легкостью поднял меня, да тем же рывком усадил впереди себя. Зверь прерывисто вздрогнул всем своим длинным телом, а его высоко посаженная голова слегка подалась вперед так, что когда он сошел с места, и я вцепился в его красную, густую гриву два крестообразно сложенных витых рога, стали зариться своими острыми концами в поверхность мостовой.

– Скорей! Скорей Чё-Линг! – прикрикнул я на авитару, так как боялся, что со всеми этими задержками не успеем встретить на взлетно-посадочной полосе Ананта Дэви. И Чё-Линг, немедля, и вельми громко свистнул, отчего кондрык, прямо-таки, срыву дернулся вперед, чуть было, не сбив суетящихся возле столовой прабхи челядин.

Глава третья

– Что-то случилось в Веж-Аруджане? – спросил я, стоило только кондрыку свернуть с мостовой на дорогу, ведущую к взлетно-посадочной полосе. И хотя я сидел поперед Чё-Линга асвадхой увидел, как он недовольно дернул головой, слегка всколыхав свой жесткий гребень из волос, стыкующийся на лбу с бровями и завершающийся на затылке, ноне имеющий бело-серебристый цвет. Я это спросил у авитару так как знал, что ему не только доверяли Ананта Дэви, главный дхисадж и прабха, но и порой ему самому удавалось каким-то непонятным способом подслушать те или иные вещи. Посему он всегда, так молвить, был в курсе дел власть держащих Веж-Аруджана.

– Да, у верховного правителя людоящеров беда случилась, коль вы об этом, сайб, – откликнулся Чё-Линг, и я торопливо кивнул, ибо и совсем не о чем таком не знал, понеже зараннее соглашался, дабы была возможность все выяснить. – Надысь БоитумелоЭкандэйю Векес, коего удерживали на родовой планете людоящеров Ладодеи, системы Та-уи, напал на своего старшего брата и императора МунашДомевло Векеса и его семью, – продолжил он и его бархатный голос с суровыми, властными нотками, создания ощутимо привыкшего повелевать, слегка задрожал от гнева. – Убил его единственного маленького сына, трех дочерей и тяжело ранил самого императора. Опосля БоитумелоЭкандэйю Векес угнал гюрд-хра, вельми маневренное судно, и покинул Та-уи, днесь его ищут в Сварге, вроде его там засекли военные виомагамы тарховичей. МунашДомевло Векеса толкуют, даже хотели доставить на Садхану в Научное Ведомство, абы у него наблюдались вельми тяжелые повреждения диэнцефалона, вплоть до полного его вывода из действия. И лекари людоящеров никак не могли помочь императору, лишь остановили гибель иных структур диэнцефалона. Главный дхисадж дистанционно проводил осмотр и лечение, хотел даже лететь, но вроде все обошлось, и туда прибыл двипандит, да сам справился.

– Зачем? Зачем он... БоитумелоЭкандэйю Векес такое сотворил, да еще и с братом с его детьми? – очень тихо спросил я, и в волнении тягостно передернул плечами, не понимая столь неадекватного поведения людоящера.

– Дык кто ж его знает, – немедля отозвался Чё-Линг и слышимо свистнул так, что кондрык значимо прибавил быстроты собственного бега. – БоитумелоЭкандэйю Векес вообще какой-то странный у них всегда был, а главный дхисадж, и, вовсе, раз толковал Ананта Дэви, что у него, по всему вероятно, начальная стадия заболевания диэнцефалона, вряд ли сие токмо самолюбие, – дополнил он, и мне показалось, сейчас полностью процитировав слова тарховича. – Толкуют верховный правитель, на тот момент, сопровождающий в полете его высочество, сразу направился на поиски младшего брата и теперича вряд ли станет его миловать. Абы сын императора МунашДомевло Векеса днесь за неимением собственных сыновей у НгозиОпеиеми Чибузо был инфантом людоящеров. У них ведь дети не создаются, а естественным образом рождаются, и вельми мальчишки редко появляются.

Чё-Линг прервался и слышимо вздохнул, видать, сейчас сопереживая людоящерам, у которых и впрямь стряслась беда. А кондрык между тем вновь придал шаг, потому летящие с неба капли, явно прибавившегося дождя, стали лить внахлест, почасту попадая мне на глаза и стекая по лицу в приоткрытый рот. Ровно слезы... Уж, право молвить, так мне было жалко НгозиОпеиеми Чибузо в один момент потерявшего не только собственного наследника, но и, с очевидностью, младшего брата. Я едва приподнял голову в направлении взлетно-посадочной полосы, все еще сокрытой лесной далью, и увидел на фоне сине-желтого небосвода опускающийся вниз космический аппарат точнее даже серо-стальное дисковидное его дно, по рубежу перемещающее ярко-белое сияние. Сама наружная сторона дна имела множественные уступы,

на вроде небольших ступеней пролегающих в виде трех замкнутых кругов на которых располагались зрительно выступающие эллипсоидные сопла, испускающие зеленоватые пары дыма.

– Скорей! Скорей! – уже, прямо-таки, паникуя, закричал я, понимая, что из-за Чё-Линга, который вовремя не подал мне кондрыка, однозначно, опоздаю к прибытию Камала Джаганатха.

– Успеем, саиб, не волнуйтесь, – проронил авитару более ровным голосом, впрочем, опять громко свистнул и тотчас кондрык пошел самым быстрым галопом, величаемым карьер. Посему возле моих рук ощутимо принялся свистеть ветер, слегка притом покалывая сами ушные щели (онье у меня располагались по боковой линии обеих рук, начинаясь от сгиба в локтевых суставах и вплоть до плечевых), по виду напоминающие узкие длинные щели, туго затянутые полупрозрачной мембраной и прикрытые двумя чуть загнутыми и выступающими над поверхностью тела кожными складками.

Теперь вместо тельницы, шальвар и поволоченя, как парадной одежды, я носил опашень. Длинная и свободного покроя, без ворота, та одежда порой имела остроконечный капюшон, дотягивающийся до середины спины. Сей опашень имел откидные, длинные и весьма широкие рукава, впрочем, в которые руки не продевались, а сами они висели вдоль фигуры. Украшенный самоцветными камнями и драгоценными металлами по подолу, капюшону и даже груди опашень был очень легок, не мешая, не стягивая моего дыхания. Данная одежда, разработанная по указанию Камала Джаганатха, нарочно для меня, кажется, предваряла все тяготы моего беспокойного поведения. Я днесь мог носить не только вено, но и запястные браслеты, кольца, ожерелья, однако одевал это не часто, словно наевшись раз-второй, более того и не хотел.

Капли дождя, набирающего силу, еще немного и перешли в поток и я, вогнав стопы ног, точнее, подошвы сандалий, прямо в бока кондрыка, чуточку приподнялся над его спиной и подставил лицо бьющим струям, единожды отпустив гриву, да раскинув в стороны руки. Чувство полета, то которое я испытывал всегда при даятеситя и порой, когда разбегаясь, прыгал вверх на немного зависая без поддержки в воздухе, наполнило меня сейчас всего. Еще миг и я закрыл глаза обеими парами век, наслаждаясь, той легкостью, собственным счастьем, которое испытал на Пятнистом Острожке, оберегаемый, любимый и отгороженный от бед существующих совсем близко от меня. В том, вероятно, проявляя собственное себялюбие, оно довело младшего брата верховного правителя людоящеров до безумия.

Чё-Линг торопливо обнял мой стан рукой, левой схватившись за гриву, и точно в унисон моему безмерному счастью громко радостно закричал, подгоняя тем кондрыка. Мы порой с авитару позволяли себе такой скорый, безудержный бег зверя чаще по линии берега, реже в лесу. Всякий раз, словно ощущая себя единым с кондрыком, когда-то вольным могучим зверем Родонии. Творя то, несмотря на получаемую после взбучку, абы главный дхисадж боялся, что у животного может, от сей загнанности, не выдержать сердце и он, упав, покалечит меня. Такие заезды, ибо о них докладывали прабхе и Ковин Купав Куну следящие за нами с Волошки охранные системы, завершались для Чё-Линга наказанием и высылкой из поселения. И я был уверен, так наказывал его пара-митра, а возвращал обратно главный дхисадж, уступающий моим просьбам.

Так мы скакали долго...

Чё-Линг почасту протяжно свистел, то языком, то губами, а то и вставляя в рот большой и указательный перста. А я, наслаждаясь той быстротой, на удивление никем не прерванной, то открывал глаза, то вновь закрывал, почасту сглатывая потоки воды. Поелику тут в отличие от чертогов, береговой лестницы и мостовой, не имелось купола, и вода, попадая на дорожку, медленно растекалась к ее краям, не формируя там луж, ровно просачиваясь через саму поверхность. А в сине-желтом небосводе виомагам, так как ноне Ананта Дэви прибыл на нем, наблюдаемо сдержал свой полет, выпустив из себя, пять серо-стальное дисковидных

судна по рубежу прихваченных серым сиянием. Каковые вельми быстро направили свой полет в сторону завершающийся полосы леса.

И тотчас кондрык перешел с галопа на рысь, а потом и вовсе на шаг, очевидно, устав от такой безудержной скачки. Из его удлинленно-узких ноздрей валил теперь не просто клубистый серый пар, а, прямо-таки, черный и огненно-фиолетовое оперенье на морде, зримо посерело, точно он горел изнутри. Кондрык сделал еще пару шагов, достаточно быстрых, и сразу, остановился, качнувшись вправо-влево, да вперед-назад. А впереди уже стали заметны завершающиеся полосы леса, за оными начинались заросли высокого тростника, опять же, стоявшего по обе стороны от дорожного полотна. Весьма высокие иссиня-зеленые прямостоячие стебли, которого, покрывали узкие голубые листья, опушенные пурпурными волосками. И даже в удалении была наблюдаема небольшая возвышенность, и тут уже точно увенчанная выровненной площадкой переливающейся серебристо-белым металлом, к каковой весьма быстро стремились пять серо-стальных дисковидных судна, крсна, по кромке бортов прихваченных серым сиянием.

– Все! Выдохлась старая кляча! – грубо проронил Чё-Линг и торопливо перекинув ногу через спину кондрыка, прыгнул на дорогу, также поспешно протянув ко мне руки, абы само животное тягостно задрожало, а перья на его спине встали торчком. Оно как кондрык всегда бежал до изнеможения, потом падал, отлеживался и спустя час вже мог продолжать свой бег. Я в ответ суматошно развернулся на животном, перекидывая правую ногу через его спину, и, авитару подхватив меня подмышки, сняв, поставил перед собой. И тотчас на меня с неба словно вылились несколько ковшей воды, ужель-ка таким дождь оказался мощным. Посему я беспокойно ступил вперед, обходя самого туго дышащего кондрыка, и, воззрившись на небо, с которого в сторону взлетно-посадочной полосы стремились лишь два крсна, а три также наблюдаемо замерли в воздухе.

– Все опоздали! – сердито дыхнул я, ошутимо раздражаясь на дождь, оный лил все сильней и сильней, и на Чё-Линга, оный прибыл к чертогам с опозданием.

– Вон, саиб, ордынский старшина едет, днесь вас доведет, – произнес авитару таким спокойным тоном, что я чуть было, не крикнул на него, благо и впрямь послышались подъезжающие стремлеты. И я, не мешкая, развернувшись, да широко шагая, направился к оставляющимся аппаратам, на которых приехало, не считая Дона, еще пять перундьяговцев. Сравнительно с иными устройствами стремлеты считались одно посадочными, но коль того желалось на них можно было уместиться и вдвоем. На их плоской опоре были укреплены не только широкие сидения, боковые площадки для ног, но и дугообразная передняя станина, к которой крепились легкие, металлические крылья, да две трубчатые насадки с рычагами и клавишами управляющие стремлетом. Ордынский старшина подлетел ко мне впритык и тотчас сдержал движение аппарата, спустив правую ногу с площадки, посему сам стремлет легонечко качнулся вправо-влево.

– Ваше великолепие, сидайте, докачу! – молвил Дон и протянул мне навстречу одну из четырех своих рук, оные выходили у него из плечевых суставов по две зараз, оттого спина его смотрелась широкой и мощной, прямо-таки, выпирающая горой.

– А, Чё-Линг? – спросил я, в ответ, протягивая руку и сразу же поднимаясь на площадку для ног.

– Побуду с кондрыком, саиб, – отозвался авитару, а я между тем поспешно перекинул ногу через опору и уселся на сидение впереди перундьяговца, абы на стремлете сидели подобно на спине кондрыка. И тотчас животное, возле которого стоял Чё-Линг, опять тягостно качнулось, а после, как мертвое повалилось вперед, подгибая ноги в коленях и врезавшись мордой в дорогу. Притом его два крестообразно сложенных меж собой, витых рога, острыми концами воткнулись в самую зеленовато-белую поверхность мостовой, точно увитую внутри белыми нитями. Пурпурные глаза зверя закрылись, он наблюдаемо вздрогнул и прокатившаяся

волна по его бокам пригладила дотоль стоявшие торчком огненно-фиолетовые короткие перья, а потом кондрык рухнул на левый бок, судорожно задержав своими всеми четырьмя ногами. Однако, не умерев, а тока на чуточку отключившись.

– Старая кляча! – сердито дыхнул Чё-Линг и пнул животное под брюхо, впрочем, тому было сейчас все это безразлично. И коль толковать, то авитару был прав, сказывая так о нем, ибо сей кондрык являлся самым старым самцом, главой стада, молодых, самок, детенышей. Вместе с тем все еще, оставаясь самым сильным и в скорости не уступающий молодым.

В другой раз я бы вступился за кондрыка, но сейчас не успел. Ибо ордынский старшина, стоило только мне занять место перед ним, враз поставил ногу на площадку, и, обвинив мой стан двумя руками, иными двумя взялся за трубчатые насадки, сразу нажав на них рычаг и клавишу с разных сторон. Тем самым придав стремлету скорости, посему тот ровно рывком сорвался с места и весьма быстро понесся вперед. В единый миг, миновав не только лежащего кондрыка и Чё-Линга, но и заросли иссиня-зеленого прямостоячего, высокого тростника стоявшего по обе стороны от дорожного полотна, шелестящего от падающих капель дождя узкими голубыми листочками. Да также разом мы взлетели на небольшую возвышенность, выскочив и тут сразу на выровненную площадку, поблескивающую серебристо-белым металлом, над коей висело достаточно удаленно друг от друга до десяти серо-стальных дисковидных судна, крсна, по кромке бортов прихваченных серым сиянием. На самой площадке возле крсн толпилось с десятков перундьяговцев, одетых в зеленого цвета рубахи (указывающие на них, как на ратников охраняющих систему Медуницу) и даже два тарховича, с очевидностью, эка-схаласа, его помощник, да оскуй, поджидающий отправки на них прибывших в поселение прабхи.

Впрочем, уже на самой взлетно-посадочной полосе Дон нажал на клавиши на обеих трубчатых насадках и наш стремлет резко сдал назад, так что я восторженно охнул (абы знал, ордынский старшина сделал так нарочно для меня). И тотчас двое других перундьяговцев вырвались на своих аппаратах вперед, таким образом, выстроив необходимое или всегонавсего утвержденное самим Ананта Дэви сопровождение. Три иных стремлета пристроились сзади и тотчас все устройства значимо сбросили скорость, а летящие впереди Пяст и Ярек резко выкинули вверх свои левые руки, широко расставив перста и громко для их сравнительно низко звучащих голосов закричали:

– Внимание на взлетно-посадочной полосе, Праджапати, соблаговолите приветствовать!

И уже в следующую секунду стоявшие перундьяговцы, поспешно расступившись в сторону и с тем сформировав коридор, развернулись в мою сторону, да рывком выбросили вверх левые две руки, правые, вспять, сжав в кулаки, треснули ими себя по груди, и теми же низкими, рыкающими, хрипящими басами отозвались:

– Хвала Праджапати! – и, опять же, скоро принялись опускаться на одно колено.

Стремлеты, на которых летели Пяст и Ярек, остановились, слегка подавшись вправо и влево недалеко от висящего в воздухе крсна, и, мы с Доном, въехав почти под него, увидели стоявшего Ананта Дэви в окружении четырех приклонивших голову перундьяговцев, одетых в пурпурные рубахи из так величаемой вольной орды летающих вукодлак, охраняющих его. Он со дня нашего знакомства, как и понятно, нисколечко не изменился. И если, когда-то, при нашей первой встрече, сурьевич вызывал во мне раздражение, волнение и испуг, теперь только теплые, родственные чувства. Прибывая на Пятнистый Острожок и ощущая себя как дома, он всегда одевался по-простому в утаку и паталун (как теперь я знал, где утака представляла собой рубаху, а паталун – юбку), зачастую ходил босоногим. Однако ноне был одет не только в темно-бирюзовую утаку, огненно-малиновый паталун, обут в того же цвета мягкие короткие сапоги, но и подпоясался пластинчатым поясом, наблюдаемым мною впервые. Этот пояс представлял собой узкую ярко оранжевую полосу металла (неизвестного мне), по поверхности какового расплывались едва заметные темно-синие, черные, глянцевого сияния волокнистые вытянутые струи, спирали, небольшие каплеобразные сгустки. Застегивался он за счет овально-вытя-

нутой пряжки, напоминающей глаз Камала Джаганатха с вывернутыми складками вокруг глазницы, без ресниц и устья желёз, с розовой тонкой полосой, проходящей по самому краю, где в насыщенно лиловой радужке находился овально-растянутый синий зрачок.

Я, толком не дождавшись, когда Дон сдержит движение стремлета, перекинул правую ногу через опору, вже поставив ее на площадку, где находилась правая нога перундьяговца, и сразу подавшись вперед, поднялся. Да только ордынский старшина продолжал держать меня за стан правой рукой, и слегка подпирать левой ладонью спину, до тех пор поколь стремлет не остановился. Посему я даже пару раз дернулся вперед, а когда отпущенный, так-таки, прыгнул вперед и вниз, самую толику поскользнулся на своих вымокших сандалиях. Ибо сама поверхность взлетно-посадочной полосы была сухой, так как над ней, стоило крснам приземлиться, сразу сомкнулся прозрачный купол. Однако я, все же выровнял свое движение, и, сделав пару широких шагов в направлении Ананта Дэви, остановившись напротив, громко сказал:

– Доброго времени суток, Камал Джаганатх. А вот и я, так молвить, сюрприз!

Глава четвертая

Впрочем, сюрприз не вышел.

Понеже мигом погода я увидел, как медно-серебристая кожа сурьевича, точно стусила собственный ореол, который стал казаться красноватым, а образованная внутри двух серебристых придатков (вылезавших из макушки головы и спаивающихся с височно-нижнечелюстными суставами) тончайшая, плетеная сеть из голубо-черных нитей внезапно слегка заколебалась, указывая на то, что он не просто взволнован, а, прямо-таки, взбешен. Теперь Ананта Дэви совсем чуть-чуть сузил свои и без того удлинённые глазные щели слегка даже утопив в темно-лиловых радужках синие зрачки и очень властно сказал:

– Ордынский старшина, почему Праджапати перемещается по Пятнистому Острожку на стремлете? Разве вы не ведаёте его статус? Не понимаете, как он важен, обобщенно, для Веж-Аруджана? – тем самым потоком нарушая собственное правило, по которому допрежь надо услышать ответ на первый вопрос, лишь опосля задавать иные. Глаза его, пожалуй, сразу три сверкнули таким гневом, оный я в нем никогда не подозревал, не говоря о том, что видел. И я, незамедлительно, подумал, что все-таки надо было прислушаться к главному дхисаджу и подождать Камала Джаганатха в поселение прабхи.

Однако желая заступиться и не подставить под наказание перундыговцев, абы те тотчас и вельми синхронно покинули стремлеты, да шагнули ко мне, подперев сзади, произнес:

– Мы приехали не на стремлете, на кондрыке, просто он не добежал... поелику старая кляча, как толковал Чё-Линг.

– Как же вы тогда так вымокли на лодочке? – вновь спросил Ананта Дэви и развел руки в стороны. А я, торопливо оглядев себя, заметил, что материя опашня и впрямь вымокла напрочь, облепив мое полосчатое тело, где явственно просматривалась, не только бело-перламутровая, гладкая кожа, но и разлинованные ее по длине тонкие (в пол пальца не более того) черные прахар полосы. Каковые, в виде рыхлого покрова собранного из волокнистых, спирально-витых круглых, или овально вытянутых крошечных образований (порой переливающихся голубоватыми пятнами света), шли с самой кожей заподлицо. Прахар полосы, опять же, одновременно, были вязко-неплотными и студенисто-тягучими, да наблюдаемо двигающимися, притом внутри перемешивающиеся, подталкивающие образования и словно курящие возле них еле-еле приметный голубоватый дымок.

Я, впрочем, не ответил Камалу Джаганатху, лишь опустил голову, понимая, что коль сейчас скажу, что прибыл не на лодочке, взбучку получит не только Дон, Чё-Линг, но, и, пожалуй, что главный дхисадж, так-таки, уступивший мне. Уже окончательно сожалея, что приехал сюда... Одначе внезапно, из-за спины Ананта Дэви, выступило создание, которое я хотя раньше не видел, но сразу соотнес с негуснегести велесвановцев Аруном Гиридхари. Кой и вовсе умягчено, ласкательно, делая насыщенной тональность отдельных звуков, словно подпевая каждому слову, молвил:

– Голубчик, ну, что вы, в самом деле, весь на нервах. Все ведь благополучно с Праджапати. Так стоит ли его расстраивать и самому волноваться. Доброго времени суток, ваше великолепие.

И я тотчас вскинув голову, воззрился на негуснегести, оный был вельми схож с Камалом Джаганатхом, ровно того частью творили именно по данному прототипу. Впрочем в строении головы Аруна Гиридхари замечалась простота форм (без каких-либо придатков), которая имела схожесть с овалом, а закругленно-вытянутый подбородок придавал лицу в целом наклонное состояние. Отсутствие на лице как такого носа, заменяли, как и у Ананта Дэви, две широченные впадины ноздрей, с оттопыренными короткими колыхающимися бортами, окружающие трепещущие розоватые выемки. Крупными, с удлинёнными уголками, заканчиваю-

щимися в височной части головы были два глаза негуснегести, обаче тут без склеры с овально-растянутыми вдоль век, черными зрачками, и голубо-алыми радужками. Четыре пальца на каждой руке, где большой и самый длинный, выходя почти из верхней конечности запястья, завершался на одной линии с остальными Арун Гиридхари так же перенял от сурьевича.

Впрочем, вместе с теми идентичными особенностями, негуснегести значимо разнился с Камалом Джаганатхом, не только ростом (будучи зрительно ниже него), но и стройностью, уплощенностью самого туловища. Его ровная, без волос, выемок, родинок с зеленовато-коричневым цветом кожа имела болотные с сизым отливом, расплывчатые пятна по всей поверхности и была покрыта густой слизью, кое-где (а именно в местах стыков с одеждой) свернувшейся в мельчайшие желтоватые катушки. По две пластинки с каждой стороны головы заменяли уши велесвановцу и прикрывали складчатой формы слуховой проход, розоватый на вид. Хотя про лицо Аруна Гиридхари можно было сказать, что в нем полностью отсутствовала какая-либо мягкость, вспять того оно казалось весьма мужественным. Вместе с тем его высокий лоб, не имеющий надбровных дуг и самих бровей, а также третьего глаза, переходящий в чуть угловатую верхнюю оконечность, украшали рядами крупные выпирающие чешуйки, проходившие десятью рядами, с соответствующим количеством: десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два и один, с медно-синим отливом отдельной из них. Последняя из чешуек находилась, как раз между глаз негуснегести перекрывая углубление-выемку. У него имелись на макушке соломенно-красноватые волосы, заплетенные в десяток тончайших косичек, дотягивающихся до середины спины, Впрочем, не наблюдалось перьев, как у Ананта Дэви. Одет он был в золотистую утаку и медной расцветки паталун, сверху которые перекрывал долгопольный кафтан с длинными рукавами (весьма расширенными возле запястий), а по полам, подолу и огранке рукавов украшенный золтым узором и драгоценными крупными лимонно-лощеными камнями. Высокий ворот, поддерживающий голову Аруна Гиридхари, сложенный из пластинчатых золтых кружков, поражал взгляд разместившимися в их середине переливающимися многогранных густо-красных драгоценных камней. А тонкую его талию огибал пластинчато-собранный серебристо-белый пояс, имеющий длинные и уже тканевые, золотистые прядки унизанные множеством драгоценных камушков.

И стоило Аруну Гиридхари поравняться с Камалом Джаганатхом, да протянув руку нежно поддержать его под локоть. Как сурьевич наблюдаемо выдохнул, колыхнув овально-спяными бортами двух широченных впадин, заменяющих ему нос, ровно тем выровненным дыханием себя успокаивал. А уже в следующий момент, обращаясь ко мне со всей мягкостью своего гулко баса, он сказал:

– Доброго времени суток, Лан-Эа, вельми рад вас видеть во здравии. И позвольте-ка представить вам единственного и полномочного правителя Велесвана, расаначальника велесвановцев, негуснегести Аруна Гиридхари, – Камал Джаганатх толкуя об Аруне Гиридхари ощутило высказывал такое почтение, нежность, что я дотоль разглядывающий лицо велесвановца, резко перевел взгляд на него, уловив... почувствовав какую-то в нем тяжесть. Кою, видимо, ему помогал сей срок преодолевать именно негуснегести, будучи самым близким созданием... Таким, как ноне стал для меня главный дхисадж, мудростью, знаниями и особой нежностью ставящий мои нужды и желания в приоритете всего иного.

– Доброго, – медленно протянул я, все еще не сводя взгляда с лица сурьевича. Ибо из его медно-серебристой кожи стугтившей собственный ореол, и ставшей, прямо-таки, красноватой выплеснулось с десятков тончайших золотых нитей, закружившихся возле оранжевого сияния и с тем подавляя, али впитывая плывущий там дотоль желтоватый дымок. Вызывая во мне острое желание, словить их на перста. Оно как порой я такое творил с теми, которые плескались из кожи Ковин Купав Куна, ощущая тогда моментально возникающую в подушечках пальцев сильнейшую вибрацию.

– Весьма жаль, ваше великолепие, что Камал Джаганатх не оценил ваше желание его встретить, – молвил Арун Гиридхари снова возвращая на себя мой взгляд и улыбнулся, не только изогнув нижний край рта, проложив по верхнему краю вплоть до ноздрей тонкие морщинки, но и вскинув сами уголки его вверх, так как порой улыбался Ананта Дэви.

Я же с удивление отметил, что негуснегести назвал сурьевича по имени, понеже его (в свой срок сменившего титул принца велесвановцев на Ананта Дэви) никто в Веж-Аруджане окромя меня не смел, таким образом, величать.

– О, нет! Нет! – торопливо откликнулся Камал Джаганатх, и, ступив вперед, протянул руки, да слегка приобнял меня. – Извините, Лан-Эа, не желал вас расстроить и яснее ясного я оценил ваш сюрприз. Просто намеренная случилась некая оказия, и я сим вельми встревожен, – и так как он нежно и вроде примиряясь, прижал меня к себе, и я в ответ раскрыл руки, да крепко его обнял, а после поцеловал в материя утаки в том, проявляя к нему те особые чувства, любви и тепла.

– Мой поразительный мальчик, уникальный голубчик, – очень тихо, точно пропел в мою голову Ананта Дэви, и, наклонившись, поцеловал в макушку, как раз между двух глаз, абы, как и прабха, и главный дхисадж то почасту демонстрировал. А стоящий подле него Арун Гиридхари, что-то шумно в созвучие с отдельным колебанием струны гуслей дыхнул, явно сказывая на гиалоплазматическом языке. И вже в другой миг с правой стороны, обежав самого негуснегести, выскочил халупник (вероятно, личный халупник сурьевича, коего звали Туви) держащий в руках небольшой голубой сверток. Он замер возле велесвановца и его уплощенная и узкая голова, со стороны кажущаяся продолжением шеи, шевельнула завершающим ее длинным мягким хоботком, вроде как заурчав и подпев струной гуслей. А когда Арун Гиридхари взял у Туви сверток, тот дернул вниз голову, видимо, поклонившись, да принялся пятиться назад.

– Надобно обсушить его великолепие, а сиречь он расхворается, – пояснил свои действия негуснегести. И тотчас развернув сверток, едва его встряхнул. Посему образовался очень длинный и широкий пласт тонкой материи, который (стоило только Ананта Дэви от меня отступить назад) на мои плечи накинуд Арун Гиридхари. И сразу свел ее стыки, отчего материя облекла мое тело вельми плотно, и, ощутимо просушила кожу, прахар полосы и даже опашень.

– Не-а, не расхвораюсь, я крепкий, – отозвался я и вновь услышал, как Арун Гиридхари выдал в шумном дыхании высокую нить струны. В этот раз она сопровождалась легким птичьим напевом, впрочем, прервавшимся как-то резко, точно, то была лишь однократная трель. И тотчас халупник, замерший возле Аруна Гиридхари, торопливо ступил ко мне, и, опустившись на присядки, принялся промокать концом материи мои стопы. А Ананта Дэви почему-то тягостно качнул головой, словно с чем-то не соглашаясь, потому я понял, негуснегести сказал не только слуге, но и ему.

– Что вам молвили, Камал Джаганатх? – спросил я, ощущая плывущее от него напряжения и сам, начиная волноваться.

– Я молвил, дабы он не тревожился, – ответил однако Арун Гиридхари и положил на плечо сурьевича руку, нежно его пожав, с очевидностью, пытаясь поддержать али успокоить.

– А есть чему тревожиться? Это из-за поступка БоитумелоЭкандэйо Векеса, – не столько даже спросил я, сколько утвердил. Хотя и сам понимал, что такая несдержанность Ананта Дэви связана с чем-то иным, вряд ли с братом верховного правителя. Я сейчас внимательно взгляделся в лицо сурьевича, его чуть прищуренные глаза, легкую зябь колыхающихся коротких перьев на голове (сизо-серебристого цвета по окоему охваченных серым сиянием), и словно уловил всю его взволнованность. Порой у меня получалось не то, чтобы прочесть мысли, а лишь ощутить испытываемые чувства: волнения, гнева, раздражения. Они иногда приходили волной и ударяли особенно сильно по плечам, где ощущалась вибрация кожи.

– Причем тут БоитумелоЭкандэйо Векес? – вопросом на вопрос отозвался Камал Джанатх, наморщив верхний край рта и чуть-чуть вздыбив ноздри так, что я понял, в своем предположение явно ошибся. Обаче уже в следующий момент, нарушая наше несколько густое безмолвие, послышался высокий с легким дребезжанием голос, сказавший:

– Уже сызнава я слышу о сем сорванце и мятежнике БоитумелоЭкандэйо Векесе, кой будто в наказание, днесь преследует меня и на безмятежном Пятнистом Острожке, – и тотчас не только я повернул голову вправо, на звук голоса, но и Ананта Дэви, и Арун Гиридхари лего-нечко развернулись. Понеже я сразу увидел подходящего к нам со стороны висевшего недалеко крсна амирнарха в окружении четырех перундьяговцев. Я хоть его раньше не видел, но сразу понял, что это он, абы его внешний вид был еще тот чудной.

Достаточно мощный, не менее высокий, чем Ананта Дэви, с крепкими покато-округлыми плечами, мышцастой грудью и спиной, облаченный в прозрачно-оранжевый без рукавов флюорит, где плащ проходящий подмышкой левой руки и по плечу правой (имеющий более долгий подол) был сине-фиолетовым. Кожа Раджумкар Анга Змидра Тарх оранжевого оттенка и, одновременно, бархатистая (точно покрытая мельчайшим пушком) смотрелась столь тонкой, что сквозь нее проступало плетение широких коричневых мышц, делающих само тело ребристым не только на плечах, предплечьях, бедрах, голени, но и груди, спине. Впрочем, поразительной в амирнархе, имеющем две руки, две ноги и тонкий, плеточный хвост, завершающийся кисточкой (вылезающий с под материи одежды и легохонько покачивающийся взад-вперед) была форма головы. В виде сплюснутого сфероида она восседала на короткой, толстой шее имея не растянутое прямоугольной формы лицо с угловатым подбородком, широким, плоским носом, дугообразными черными бровями и толстыми красными губами. Его крупные три глаза, один из которых располагался во лбу и назывался зоркий очес с темно-коричневой вертикально расположенной радужкой и черной склерой, да двумя привычными и тут с темно-синими радужками, входящими в иссера-серебристую склеру, были для меня обыденными, супротив затылочной части головы Раджумкар Анга Змидра Тарх наблюдающейся прозрачной. И через эту прозрачность кости наглядно созерцалась не только часть студенистого, черно-синего с двумя тонкими отростками диэнцефалона, но и небольшой механизм, с продольно расположенными осями, мельчайшими винтиками, шурупами, электронными схемами разнообразной формы, густоватыми сине-голубыми плазменными шарами, сверху опутанными голубыми нитями венозной системы, да красными проводками.

– Познакомьтесь, Лан-Эа, – заговорил Ананта Дэви, моментально отвлекаясь от брата верховного правителя людоящеров, и Туви, наконец, утерев мои ноги, убрал от них руки, но так и не поднялся, замерев подле меня на корточках, пригнув еще сильнее голову. – Сие долгий срок веремени, бывший для вас на слуху, амирнарх Великого Вече Рас, Раджумкар Анга Змидра Тарх, – добавил он, впрочем, его изучающий взгляд сразу с амирнарха вернулся на меня, очевидно, пытаясь понять, что мне обобщенно известно. А ступающий к нам Раджумкар Анга Змидра Тарх широко растянул свои толстые, красные губы в улыбке, точно знал меня много колоходов, али даже более того, и слегка кивнув, произнес:

– Доброго времени суток, ваше великолепие! Вельми... вельми рад узреть вас. И, так молвить, воочию познакомиться.

– Да и я тож, – откликнулся я, однако, не демонстрируя подобной радости, толком его и не зная. И потому как плывущее от Ананта Дэви волнение стало и вовсе тягостным, торопливо передернул плечами, рывком смахнув с них материю (полностью меня просушившую) вниз, резко развернулся к ним спиной, да сделал два шага вперед. Я замер обок стоящего Дона, прикрытого его ратниками сзади, и протянул руку к нему. Миг спустя опершись ладонью об подставленное им запястье, да сомкнул глаза, стараясь, справится с вибрацией кожи на плечах и вовсе мощно затрепетавшей.

– Что случилось Лан-Эа? – слышался беспокойный голос Ананта Дэви, и вновь волна его напряжения ударила о мои плечи, словно он не мог держать себя в руках, или наша связь с ним усилилась.

– Вы скажите? Вы, Камал Джаганатх... вы так напряжены, что ваша тревога ударяет по мне, – отозвался я, ощущая, и, то за долгий срок впервые, что не могу справиться с волнением, кое стало теперь ощущаться вибрацией и в лодыжках, и в прахар полосах, с очевидностью, сейчас нуждаясь в перстах Никаля. И посему, чтобы не допустить сеянья вируса задышал глубоко и продолжительно всей поверхностью своей кожи. Секундой погодя услышав, как шумно проиграл, что-то на струнах гуслей по велесвановски Арун Гиридхари, и хотя сурьевич ему не ответил и так понял, что первый попросил второго успокоиться ради меня. И, видимо, эта поддержка негуснегести возымела действие. Ибо, когда я сдержал дрожь прахар полос и ноги мои вновь обрели крепость, а я сам, открыв глаза, и отпустив поддерживающую меня руку Дона, развернулся, Ананта Дэви хоть и глянул встревожено на меня, но данное беспокойство было наполнено лишь участием. Посему он в следующий момент мягко мне улыбнулся, своим безгубым ртом, и с той же нежностью своего довольно-таки мощного голоса сказал:

– Извините, Лан-Эа, за доставленные неудобства. И, да, вы правы, как никогда, наша с вами связь усиливается, дабы вже вмаде вы станете не просто принимать мои чувства, переживания, но и мысли.

– Коль они будут такие же волнительные, – ответил я и качнул головой, абы все еще ощущал на собственной коже и в прахар полосах зябь принятой тревоги. – Лучше оставьте их при себе, Камал Джаганатх, – добавив это с очевидным раздражением.

Глава пятая

Это самое раздражение правило во мне, когда мы погрузились в оскуй. Я, было, хотел отправиться домой на стремлете с Доном, и даже о том сказал, но Ананта Дэви того не позволил. Да таким указующим тоном, что я не решился с ним спорить, чтобы засим ордынского старшину не наказали и ему не высказывали.

Достаточно длинный, как внутри, так и снаружи, оскуй, чьи борта, ровная палуба были собраны из переплетенных между собой темно-коричневых очень тонких веток, легонечко дернувшись вперед, словно качнул на вздернутом носу, голову нарыка, оный не только встрепенулся матово-черными перьями ее покрывающими, но и самую толику дернул массивным, острым клювом утягивая за собой. И коль Анана Дэви, негуснегести, амирнарх расположились в трех из пяти массивных креслах имеющих темно-коричневый цвет каркасов и выгнутых ножек, широкие подлокотники (плетеные из толстых стеблей растения), высокие спинки и сидения (отделанные бархатной материей с золотистыми переливами), подложив под руки и спину овальные небольшие подушки, то я так и остался стоять возле борта. И хотя оскуй сомкнулся куполом, тем сокрыв находящихся в нем от дождя, однако оставил в доступности не только наблюдение, но и проникновение запахов, звуков.

Я же сперва наблюдал, как Дон и его ратники, усевшись на стремлеты, обогнув оскуй, зависли впереди него, а те которые приехали с Ананта Дэви на подобных устройствах (подждавших их на взлетно-посадочной полосе) вспять пристроились позади. А после заинтересовался впервые виденными существами, оные выстроились в ряд по четыре особи, с правого и левого бортов оскуя, явно намереваясь бежать. Это были существа с плотными, крепкими телами, покрытые темно-коричневой, влажной кожей, достаточно высокие, вместе с тем они выглядели намного ниже, чем перундьяговцы. Хотя мощь их тел, мышцастость длинных рук, достающих в стоячем виде до поверхности дорожки, и короткие ноги, определенно, указывали на них, как на воинов, или телохранителей. Ноги существ, в свой черед, завершались круглыми стопами и пятью короткими пальцами, на концах, преобразующихся в твердые образования, похожие на копыта. Овально-сплюснутые головы в районе ушей были растянуты, а по краю подбородков проходили короткие, шипообразные, твердые выросты. Из-за этой растянутости голов, уши составляли единое целое со щеками, создавая несколько лопастную их форму, демонстрирующую ушные раковины и широкие слуховые проходы. На лицах отсутствовали лбы, скулы, носы, однако имелось по одному крупному миндалевидному глазу, расположенному в середине, с песочного цвета радужкой и горизонтально-черной прорезью-зрачком. Под глазом располагалась одна широкая ноздря соединенная тонкой щелью с верхней выпученной губой и соответственно ртом. Руки существ имели по пять пальцев и мощные кисти, а тыльные стороны ладоней, предплечья, плечи, как и сама грудь, спины покрывали отдельные костяные квадратные пластинки. На туловище образовывался полноценный панцирь, опоясывающий даже с боков, оный полностью повторял изгибы тела, демонстрируя бедра и талию, где висели черные металлические пояса и короткие ножны, с ярко-красными рукоятями какого-то оружия в форме изогнутой птичьей головы. Определенно, не имеющие пола, существа не были во что-либо облачены, словно в том не нуждаясь.

Когда же оскуй набирая скорость полетел, существа, срыву сойдя с места, и, впрямь побежали, достаточно быстро. Хотя, как мне показалось, ноне судно летел много тише, словно выверив движение под скорость бегущих подле него. Я все поколь стоял возле борта, сначала смотрел за бегом новых существ, бывших наверно чьей-то охраной, а после пытался разглядеть Чё-Линга и кондрыка. Но когда мы въехали в полосу леса, и, ни того, ни другого я не увидел, облегченно вздохнул. Понимая, что животное оклемалось, и авитару его увел, али уехал на нем и далее не желая встречаться с Ананта Дэви.

И так как мое раздражение несколько рассеялось, развернулся в сторону сидящих полукругом и единожды друг возле друга на креслах сурьевича, Аруна Гиридхари и Раджумкар Анга Змидра Тарх. Единожды отметив, что возле первых двух стоят два одинаковых халупника, вельми так схожих с Туви, а за креслом амирнарха, пригнув голову, поместилось не менее удивительное, чем сам его хозяин, существо. Очень маленькое по росту оно, ко всему прочему, выглядело еще и весьма тощим, с худенькими ручками, четырьмя ножками (расположенными как у паука), обтянутое буро-зеленой, чешуйчатой кожей. Большой в сравнение с телом смотрелась его голова, в затылочной части напоминающая какой-то механизм, с несколькими продольно воткнутыми осями, мельчайшими винтиками и шурупами, дополнительно переплетенными тончайшей сине-зеленой венозной системой и сверху прикрытой округлой прозрачной пластиной. Выступающим узким наблюдалось лицо существа с крупным, костлявым носом и подбородком, ртом, окаймленным пухлыми сине-зелеными губами и четырьмя, огненно-красными щелочками-глазами. Два, из каковых, поместились на щеках, а два почти в лобной части. Сама грудь, спина и ноги до колен, а также руки до локтя поросли белой мелкой шерстью, короткой, создающей сплошной покров, а на широких четырех стопах существа были обуты белые сплошные туфли с чуть заостренными носами, и высокой подошвой.

Данное существо, как и тех, что бежали за оскуем, как и второго велесвановского халупника, я не видел на взлетно-посадочной полосе, да и при входе на оскуй, будучи раздраженным, посему сейчас бросив на них взгляд, спросил:

– Кто из них Туви?

– Тот, кой стоит справа от Камала Джаганатха, а обок меня, стоит старший халупник, прислуживающий мне, Хшон, – незамедлительно отозвался Арун Гиридхари, как и амирнарх, улыбающийся и не сводящий с меня взора. Ибо сам сурьевич был вновь сосредоточенно-поглощен своими мыслями и словно полулежал в кресле утопив в подушках, приткнутых к подлокотнику, свою левую руку. Он, опять же, упер локоть правой руки в подлокотник свел вместе три перста и положил их подушечками сверху на закрытый рот притом пригнув большой палец, которым порой поглаживал грань закругленно-вытянутого подбородка, как раз в том месте, где это позволяли серебристые придатки. И сам его взгляд смотрелся рассеянным, ровно он уперся куда-то вперед, сосредоточившись на голове нарыка.

– Вас заинтересовали рабы, ваше великолепие, бегущие подле оскуя? – вставил амирнарх, явственно желая вызвать меня на разговор, и я легонечко ему кивнул, подтверждая его догадку. – Это телохранители его превосходительства негуснегести. Существа коих относят к дикарям-киклопам. Данных существ изымают с систем в юном возрасте, кады они растут и предают тот аль иной вид, рост, признаки и способности, насильственно изменяя компоненты информационных кодов. А все потому как киклопы сильны, у них весьма долгий срок существования, они не подвержены заболеваниям, и притом их мозг достаточно прост, подчиняясь внедренным насильственно реакциям. Их зачастую используют как крылатую пехоту, в передовых или сторожевых воинских отрядах ерьгловцы, но у велесвановцев они несут охрану. – Раджумкар Анга Змидра Тарх смолк, а я легонечко качнул головой, направляя свой взгляд на стоящее за его креслом существо, и, он, растянув в улыбке свои толстые, красные губы, торопливо дополнил, – мой слуга, один из слуг, фитюльк. Сие лишь искусственно созданное существо, не более того. У него даже биологическая часть мозга сотворена мною из искусственных компонентов. И имени у него нет, абы я их кличу по номерам: Эка, Два, Три, Чатра.

– Это, я так понимаю, Эка, – проронил я и амирнарх сразу кивнул, – и, скорей всего, у вас тоже есть охрана? – днесь завершил я свои изыскания и так как Ананта Дэви сместил на меня взгляд и убрал руку ото рта, ровно заинтересовавшись разговором и сам на него воззрился.

– Да. За мной приглядывают нидхэгги, но они остались на виомагаме, кой завис возле гвотаки, – ответил Раджумкар Анга Змидра Тарх. И хотя я теперь на него не смотрел, почувствовал, как он доволен, что у нас с ним сложилась эта беседа.

– А зачем так надобно было загонять кондрыка? – внезапно спросил у меня Ананта Дэви, перебивая, как мой новый вопрос, так и ответы амирнарха.

– Хотел вас увидеть, Камал Джаганатх, – откликнулся я, почему-то и сызнова начиная чувствовать раздражение. Уж и не знаю, с чем оно, было, связано... Может с тем, что эту встречу и мое желание сурьевич не оценил. А может потому, как в нем опять стало плескаться волнение, которое порой я наблюдал тягучими золотыми нитями, вырывающимися из его медно-серебристой кожи, круживших возле оранжевого сияния и ровно подавляющих или впитывающих плывущий там дотоль желтоватый дымок.

– Голубчик, прошу вас, угомонитесь, – очень нежно, точно пропел ему Арун Гиридхари и его рука, протянувшись, перехватила опускающуюся вниз на подлокотник кисть правой руки сурьевича, слегка ее пожав, сейчас почему-то вызвав во мне чувства огорчения и ревности. – Пошто такое волнение, дотоль надоть все пояснить, его великолепию, лишь опосля принимать решения.

– Обаче, я соглашаюсь с предложением его высочества и также как Врагоч, Госпав, буду его поддерживать, – торопливо прозвучал высокий с легким дребезжанием голос амирнарха, от которого меня, прямо-таки, передернуло. Ибо мое раздражение стало увеличиваться в мощи, словно я был днесь не я... а, так-таки, лишь тень.

– Пречистый гуру прав, его великолепие, еще дитя и мы должны сие принять, не возлагая на его плечи не подъемное, – отозвался негуснегести и вновь нежно пожал удерживаемую в длани кисть руки сурьевича.

И так как я привык, за последние колоходы, что со мной считались и вовсе грубо, вызываяще проронил:

– Почто вы делаете вид, что меня тут нет? Что? Что случилось? Я так понимаю, это не связано с БоитумелоЭкандэйо Векесом? Это что-то такое, чего сотворила ВианикшиДамо? Да? Да, скажите Камал Джаганатх? – и тотчас сойдя с места, направился к Ананта Дэви, застыв от него в шаге с намерением принять его переживания и уже тогда понять, что же происходит. Однако сурьевич опережая меня в том хотении, как-то сразу взял себя в руки, и с тем наглядно выдернув перста из длани негуснегести, свернул собственное беспокойство, да весьма ровно, уверенно, как это он мог делать, откликнулся:

– Даже не ведаю, Лан-Эа, на кой из всех озвученных вами поспрашаний перво-наперво ответить, – и из этой его замысловатой фразы я понял, что он сейчас мне все равно ничего не скажет ни про БоитумелоЭкандэйо Векеса, ни тем паче про ВианикшиДамо. Потому как решение по тому, что озвучили амирнарх и негуснегести сам поколь не принял. – Быть может лучшим будет, покамест я в тех поспрашаниях определяюсь, вам рассказать о давешней поездке в Эриду, каковую ни вы, ни Чё-Линг не согласовали со старшими? – добавил он, весьма ловко переводя разговор, на то в чем я ошутимо провинился. И, что, как мне казалось, ему не было известно, о чем главный дхисадж и прабха ему не доложили. Однако могли и, видимо, доложили другие, и, скорей всего, это содеял эка-схалас Болебор Богуц Бой, возглавляющий в системе Медуница Париваар Военного Каруалауха, и координирующий охрану и защиту системы Медуница, чья ставка располагалась в командно-охранном пункте на планете Волошка. Абы не редкостью мне о том рассказывал сам Ананта Дэви.

Впрочем, я в этот раз не смутился, хотя того, очевидно, и добивались. Поелику не считал мое ребячество сейчас первоочередной проблемой, и, право молвить, не видел в нем ничего зазорного. И тотчас (стоило мне так подумать) слышимо хмыкнул Камал Джаганатх и изогнул нижний край рта, проложив по верхнему краю вплоть до ноздрей тонкие морщинки, не то чтобы улыбнувшись, а вспять того приняв мрачный вид.

– Вы должны понимать, наш поразительный и уникальный мальчик, – принялся поучающее толковать сурьевич и коль раньше я это воспринимал достаточно ровно, сейчас опять стал раздражаться. – Что ваше пребывание на Пятнистом Острожке временно и в мале вы при-

мите положенный вам статус и власть, – продолжил он, и я сразу развернулся налево, да сойдя с места, направился в сторону амирнарха. – А сие значаща вы уедите с Медуницы и станете жить в системе Тарх, – дополнил Ананта Дэви и я тяжело задышал, точней зафыркал ртом. Ибо это я от него слышал и не раз, и всегда принимал, как данность, но весьма удаленную. Так как мне не хотелось, чтобы переход власти от Раджумкар Анга Змидра Тарх ко мне когда-либо произошел. Ведь мне так нравилось жить на Пятнистом Острожке, в окружении главного дхисаджа, Ларса-Уту, ребячась и скача на кондрыке в попытке оторваться от перундаговцев и Дона.

Я о том думал, пережевывая сказанное Ананта Дэви, и еще благо, что он не всегда мог поймать мои мысли, а я днесь более не говорил (того не примечая) вслух, как говорится, сохраняя собственные чувства в неприкосновенности и тайне. А когда он смолк и на оскуе воцарилась тишина, я сразу остановился напротив амирнарха, глянув в его прямоугольной формы лицо, с угловатым подбородком, и крупными тремя глазами, довольно-таки, приятное. Толстые красные губы Раджумкар Анга Змидра Тарх растянулись в поддерживающей улыбке, очевидно, узрев все мое расстройство, вызванное столь назидательным тоном сурьевича, однако, не смея ему противоречить, он легонечко кивнул, и, понизив голос, произнес:

– Не ведаю, что вам известно, ваше великолепие, но БоитумелоЭкандэйо Векеса поймали, и он уже никому не доставит неприятностей. А его брат, раненный им, император Ладодей МунашДомевло Векес уже идет на поправку, толкуют только, вельми опечален смертью собственного сына и инфанта людоящеров.

Амирнарх так говорил, с такой теплотой, принимая деятельное участие в моем расстройстве, что мне стало неприятно, противно мое грядущее. В котором я должен был отобрать у него власть. И не потому как этого хотел я, али тот же Ананта Дэви. А поелику так решил мой отец, величайший из сынов Праматери Галактики, СансарРуевитПраджапати-джа.

Мне и вообще, все чаще и чаще казалось, что мои настоящие отец и мать, СансарРуевитПраджапати-джа и Анг дако Мадбубухат так намудрили с моим появлением, взрослением, ростом... Лишив меня не только самого понятия родителей, заботы, тепла и любви на долгие колоходы, но и возложили на меня весьма основательные и противоречивые обязанности, к оным я, пожалуй, был не готов. И это вечное следование планам моего отца, каковых придерживался Ананта Дэви, ровно и не имел собственного мнения и вовсе меня сейчас рассердили. Посему я лишь кивнул объяснениям амирнарха, да сразу шагнув, к стоящему справа от него, вполоборота, креслу, срыву в него повалившись, сомкнул глаза, более не намереваясь как-либо оправдываться, спрашивать и искать поддержки...

Словом... дюже так расстроившись...

Глава шестая

Поелику когда Раджумкар Анга Змидра Тарх сообщил, что оскуй прибыл и предложил мне сопровождение, низко буркнул, что посижу и выйду попозжа. И хотя мои глаза были закрыты, по шумному дыханию Аруна Гириджари и Ананта Дэви, и игре струн гуслей, понял, что все покинули судно, оставив меня один на один с моими мыслями. И так как последние колоходы это проходило не часто, да и мне не давали переживать что-либо в полной мере, ощутил, как глаза наполнились слезами, и стали медленно просачиваясь сквозь сомкнутые веки, капать на мою кожу лица. Я уже давно не плакал, так сказать было не зачем. Но сейчас меня почему-то пробрало, и даже слегка затрясло от расстройства. Впрочем, уже знающий себя, я, незамедлительно, принялся глубоко дышать, сворачивая, как сами текущие слезы, так и тревоги. А потом внезапно принял вибрацией на свои плечи такую волну тревоги, беспокойства за мою жизнь, наполненную любовью, заботой создания не просто близкого, но осязаемо мне родного, каковой ценил и ставил меня выше себя... многожды раз выше.

И почему-то сразу осознал, что так думать, чувствовать мог лишь Камал Джаганатх, который был загнан в сотворенные моим же отцом и его старшим братом жесткие рамки и действовал так лишь бы меня найти, сбересть, обучить и помочь в становлении. И я тотчас замер, абы почувствовал стыд за свое раздражение, грубость. Ведь хотя меня и считали ребенком, тот же главный дхисадж, праба, сурьевич, Дон, и я в том их поддерживал, позволяя себе ребячиться. Сам же я ощущал себя в некоторых моментах достаточно взрослым и полагал то, что иные не могли бы понять. Может потому, как мне сейчас стало стыдно, захотелось сразу увидеть Ананта Дэви и извиниться перед амирнархом. Поелику я резко открыл глаз, в желании подняться с кресла и покинуть оскуй. Но также враз неподвижно застыл, ибо напротив себя, возле опущенного борта, почитай на краю оскуя, где допрежь и сам стоял, увидел Камала Джаганатха.

Он стоял спиной ко мне, опять же, застыл в неподвижности. С очевидностью, супротив негуснегести и амирнарха, сурьевич не покинул судно, лишь поднялся с кресла, не оставляя меня одного в волнении, всего-навсего предоставив возможность самому успокоиться и в том явив отцовское попечение. Именно то, чего я был лишен из-за СансарРувейтПраджапати-джа и Анг дако Мадбубухат, еще совсем маленьким потеряв человеческих родителей, и, одновременно, приобрел все это в Камале Джаганатхе, Ковин Купав Куне и Ларса-Уту. Посему я уперся ладонями в сидение кресла, да поднявшись с него, неспешной поступью направился к Ананта Дэви. Оный неотрывно смотрел на лесистую часть, где высокие деревья с прямыми, ровными стволами, переливающиеся лазурью круговых полос, с шатровидной кроной, покрытой тонкими, длинными голубоватыми листьями, расщепленными на концах на более узкие ленты, росли сплошной стеной. Оскуй, как оказалось, неподвижно замер в промежутке между чертогами прабхи и самого Ананта Дэви, на мостовой. Теперь прикрытый сверху основным куполом, и не только перундьяговцы, но и рабы, слуги покинули, как его, так и ближайšie к нему подступы, видимо, таким образом, давая нам возможность поговорить наедине.

– Извините меня Лан-Эа, мой уникальный мальчик, дитя, мой поразительный абхиджату, – заговорил Камал Джаганатх с такой нежностью, одновременно, шумно дыхнув и подпев себе струнами гуслей, определенно, не менее ласкательно сказав обо мне на гиалоплазматическом языке, так как толковать со мной мог только он. – Мой голубчик, – дополнил он, очевидно услышав, как я к нему подхожу и повернул вправо голову, – я был с вами не позволено суров.

Он смолк и нежно мне улыбнулся, а я, застыл рядом, и воззрившись в его два глаза с темно-лиловыми радужками, синим зрачком и розовыми веками, имеющими удлиненные глазные щели, входящие в височные части головы, ощутил днесь все его волнение, словно пульсирующее какой-то густой, неподъемной бедой. Понеже резко перевел взгляд в его зоркий очес

во лбу, вогнутой формы, обрамленный вывернутыми веками, находящийся в окружении серебристых чешуек, не только сверху, по бокам, но и снизу, где темно-лиловая радужка в форме звезды с многочисленными тонкими лучиками входила в синюю склеру. Узрев неожиданно, как тонкие лучики звезды резко дернувшись, свершили поворот и с тем словно всколыхнули синюю склеру, а перед моим наблюдением мгновенно промелькнула черная даль космического пространства, обьятая сияющими каплями золотистого огня, ровно пролитого пожарища.

– Что это? – удивленно спросил я, ибо и само принятое и виденное было для меня новым.

– Что-то непредсказуемое и не ожидаемое мной, – отозвался Ананта Дэви, возвращая мой взор на собственное лицо и пугая меня самым ответом, словно не мог предотвратить уже свершившееся. Так как я знал из его рассказов, что он просматривал нить времени до полного обретения мною власти в Веж-Аруджане и гиалоплазматических Галактиках, до принятия титула БхаскараПраджапати-джа. Он теперь ступил вправо, развернувшись ко мне вполоборота, и протянув правую руку, слегка придержал за плечо, не столько даже обнимая, сколько всего-навсе приближая к себе и очень тихо, так дабы слышал лишь я, молвил:

– Я толковал вам, Лан-Эа, что видел ваше грядущее и становление вас, как Бхаскара-Праджапати-джа, або все инаковые ветви ваш отец отсек, – и я в этот раз не кивнул, а только согласно помыслил, зная наверняка, он прочтает мои мысли. – Обаче ноне случилось непредвиденное. На виомагаме, на каковом мы с Аруном Гириджари находились, вже, почитай, на полете к системе Медуница, я принял фантазмагорию, иде в нити времени появилось новое ответвление. Я убежден, сего ответвления тамоди доселе не имелось, абы бывал на том фрагменте. Но днесь наново явленный отрезок грядущего показал страшную, гибельную сечу меж Веж-Аруджаном и Галактиками Ланийкдан и Джиэйсиу, и их, почесть, полное изничтожение. Истребление не токмо созданий, маток-маскулине, но и существ, планет, систем, по причине того, что на сей ветви, вас нет...

Камал Джаганатх толком не договорив, резко прервался, и принялся тяжело, шумно дышать так, что не просто заколыхались, а, прямо-таки, рывками задергались овально-спянные между собой черной перегородкой борта двух широченных впадин, заменяющих ему нос, да заколебалась тончайшая, плетеная сеть образованная двумя серебристыми придатками, вылезавшими из макушки его головы и спаивающихся с височно-нижнечелюстными суставами. Посему я сразу понял, отчего Ананта Дэви психовал на взлетно-посадочной полосе и в оспе, не в силах даже взять себя в руки, да и сам, чувствуя, как слегка похолодела моя кожа, понизив голос, спросил:

– Я умер? Как?

– Я этого не видел... Но сеча вспыхнула именно по причине вашего отсутствия и, по всему вероятно, вашей гибели, мой уникальный мальчик, – проронил Ананта Дэви и сейчас его густой бас зазвучал весьма высоко, подобно тому, как звучала струна гуслей, ровно он толковал со мной на гиалоплазматическом языке.

– Откель же появилось сие ответвление? Ведь ВианикшиДамо, как и иным маткам-маскулине, не дано их создавать. У них отсутствует способность влиять и смыкать настоящее-грядущее, лишь просматривать нить времени, – молвил я, ощущая, как холодок, правящий на моей коже, принялся распространяться на прахар полосы, и с тем остужать мое волнение, делая меня предельно спокойным, невозмутимым к панике.

Камал Джаганатх на мои вопросы не ответил, лишь тягостно качнул головой. И колыхнулись на спине заплетенные в толстые косички густые оранжевые волосы сурьевича, на кончиках унизанные небольшими пурпурными камушками, вроде в отличие от меня тот вспять терял присущую ему уравновешенность. Посему с той же дрожью голоса он произнес:

– Да, вы правы, Лан-Эа, у маток-маскулине сих способностей нет. Как и николи их не было у вашего отца ли, матери. СансарРуевитПраджапати-джа мог тока выбирать наилучшие вариации ветвей времени, отсекая все инаковые, этак, действуя вельми удаленно. А созда-

вать нити, покрывало самих судеб созданий, существ доступно всего-навсе, – он прервался на самую толику и я увидел, как его слегка качнуло от волнения. – Всего-навсе Праматери Галактики.

– Праматери Галактики, – незамедлительно повторил я за сурьевичем, сейчас ощущая, как завибрировала придерживающая меня за плечо его правая рука, с тем колыхнув не только материю опасня, но и всего меня. Потому я качнулся не столько даже от собственной слабости, сколько от слабости Ананта Дэви.

– Да, токмо Праматерь Галактика способна творить нити времени, паче никто, – протянул Камал Джаганатх и голос его на последнем слове сник, как и сам он весь. Ровно всего только упоминание об этом Творении приводило его в ужас. Я внимательно взгляделся в темно-лиловые глаза сурьевича, единожды примечая в них особое беспокойство и теперь прицельно (не открывая рта) послал на него свой вопрос о Праматери Галактики, которую порой он при мне упоминал, но никогда о ней ничего толком не рассказывал. Обаче в сей раз все пошло по-другому, и Камал Джаганатх приоткрыв свой небольшой безгубый рот, да прерывисто выдохнув, пояснил:

– Сие есть связанное взаимодействие всего сущего и явленного для нас в Веж-Аруджане, гиалоплазматических и иных структурно-разных Галактиках, наполняющее саму Вселенную. Понеже она и есть Вселенная, мощное, многовариантное сознание, кое вегда взломало стенки своего диэнцефалона-заточения и вышло наружу в бескрайние пустоты времени и пространства и принялось творить не токмо саму суть сих понятий, но и прочное взаимодействие между всеми типами вещества.

– Что же ей надобно от меня? Зачем она хочет меня убить? – все-таки, спросил я вслух, более не испытывая наши с Ананта Дэви мысленные связи, ощущая какую-то тягость от услышанного или только узнанного. А может... и, что вернее принятую от него, впитанную через собственное плечо, оное обнимала его рука.

– Нет, вряд ли Праматерь Галактика желает вашей гибели, тут нечто иное, – проронил Камал Джаганатх, и ровно ощутив мою напряженность, торопливо убрал с плеча руку, сдержав перста на моем левом локте и с тем поддерживая меня. – Арун Гиридхари каковой иноредь помогает мне перераспределять фантазмагорию, ежели она поступает большим потоком, дабы я не потерял ее отдельные фрагменты... Он полагает, что Праматерь Галактика просто испытывает вас и меня, заинтересовавшись мощью вашего сознания и способностей.

– Странная заинтересованность, – едва молвил я, и, качнув головой, отступил назад, вырывая из перста Ананта Дэви собственный локоть, если, не собираясь уйти от сего разговора, то хотя бы отдышаться от него. Посему стоило только сурьевичу меня отпустить, развернулся и направился к стоящему напротив креслу, на котором во время поездки сидел Камал Джаганатх. Я остановился возле его ослона, высокого и закругленного, и, положив на него сверху левую ладонь, огладил саму бархатную с золотистыми переливами материю, почувствовав ее нежность. А после, подняв голову, обвел взглядом высившийся над мостовой прозрачный купол. Каковой для меня проступал своими мельчайшими шарообразными и тут плотно объединенными между собой крупинками вещества, сверху обсыпaeмый крупными растекающимися каплями дождя, также враз испаряющихся. Да сместив взор выше, с той же волнительной заинтересованностью взглянул на небосвод почти сине-желтый, за счет второй звезды Голубой Вялицы занимающей третью его часть и наблюдаемой сине-серебристым диском, увитым с двух сторон чуть заметными белыми завихрениями облаков. Подумав, что сама Праматерь Галактика, как связанное взаимодействие всего сущего и явленного, как мощное, многовариантное сознание, может быть везде, повсюду и всегда, принимая разные формы... Не только доступной мне искры, но и чего-то более огромного, что поколь мне не подвластно. Наверно и видеть, слышать она может сразу всех и каждого по отдельности, в любой нужный ей момент времени.

– Да, может, – отозвался позади меня Ананта Дэви, не давая мне передышки, видимо, потому как сам волновался. – Когда-ка и я мог с ней связываться, толковать, слышать имея достаточный для того размер диэнцефалона. Но поднесь сие тока в одну сторону связь, и лишь с ее стороны. Понеже теперича, поколе мы не ведаем ее замыслов, надобно быть предельно острожными. И выстраивать ваше, мой поразительный мальчик, грядущее, таким побытом, дабы с вами ничего не случилось. И я прошу вас, Лан-Эа, будете опасливее, – он смолк, и торопливо подошел ко мне так, что я это опять увидел затылком, да обхватив мои плечи, привлек к себе и крепко обнял.

Я же не противясь, сей теплоте, перевел на сурьевича взгляд, уставившись на него снизу вверх, да усмехнувшись, проронил:

– Камал Джаганатх, но ежели Праматерь Галактика захочет моей гибели. Для нее моя охрана, моя опасливость ничего не станет значить, вы же это понимаете?

– Нет, нет, – весьма скоро отозвался Ананта Дэви и я сразу понял, что прав и он именно этого и боится. – Я убежден Праматерь Галактика не желает вашей гибели. Абы ваше рождение является самим по себе чудом, вневгда разведенные способности творцов Веж-Аруджана и гиалоплазматических Галактик, сурьевича и схапатиху сызнова сошлись в одном создании. Уверен, Праматерь Галактика тока жаждет вызнать силу ваших способностей, кои быть может приближены к ней, вряд ли вас погубить, – он договорил с такой неуверенностью и коль дотоль опустив голову смотрел на меня, сразу ее подняв, перевел сам взгляд. И я внезапно понял, что Камал Джаганатх весь этот срок, оберегая меня, боялся ни мятежников Веж-Аруджана, ни маток-маскулине гиалоплазматических Галактик, а лишь ее – Праматерь Галактику... с силой, возможностями которой никто не мог совладать.

Глава седьмая

Я надрывно передернул плечами от волнения, и хотя стоящий рядом Никаль вновь подвинул ко мне ближе, висящий в воздухе, поднос с едой, лишь оглядел ее, ибо ноне как-то не елось. Теперь я практически не испытывал голода того самого, который преследовал меня с рождения. Потому как установленное на гвотаке, межгалактической станции, находящейся в пределах системы Медуницы, оборудование, производящее для меня клеточный сок и его частое употребление, полностью решило данную мою проблему. Впрочем, сейчас я даже отказался от клеточного сока, все еще думая о разговоре с Ананта Дэви, и более ни чем не интересуясь.

Когда Камал Джаганатх покинул оскую, меня доставили на нем до моих чертогов, дабы я обмылся, переоделся и одел вено, как символ моего статуса. Но вскоре, в сопровождении Дона и перундьяговцев, я вернулся к чертогам прабхи, абы там меня ожидали прибывшие, поколь не приступившие к кушаньям.

Днесь я вновь тягостно передернул плечами и с тем же надрывом качнул головой и, а после воззрился на главного дхисаджа. Он сегодня сидел за столом, как раз напротив меня, где зачастую располагался Ларса-Уту, определенно, чтобы я был у него все время на виду. Посему мне почему-то подумалось, что сюрпризы ноне еще не закончились...

Столовая прабхи была сомкнута с трех сторон стенами и потолком, и не имела четвертой стены, чей простор, выходил на широкую и длинную мостовую, нынче плотно набитую не только перундьяговцами, тарайцами, но и рабами негуснегести, впрочем, поместившимися почитай на грани с лесистой частью. На овальном столе внутри чертогов, опирающемся на одну массивную ножку, стояло множество всевозможных приборов, посуды, в которой находилось не менее замечательное количество еды. И это не только жидкие похлебки, щи, калья, тюрят, рассольник, солянка, борщ, уха, ботвинья, джур, пигус, окрошка, таратор, но и почитаемые главным дхисаджем печености: пироги, пирожки, курниги, расстегаи, кулебяки, кокурки, коврижки, мусака, котлома. Также в знак прибытия Ананта Дэви на столе появились блюда перундьяговской кухни: белесые, розоватые, густые приправы, покачивающие от вязкости студни, заливные из рыбы, всевозможные каши, сметана, хлеб, вареники, бараний сычуг, кнедлики, бигос, голубцы, жаркое, плескавица, мясо под взварами и многое иное. Опять же в кувшинах стояли разные напитки: сбитни, квасы, кисели, компоты, морсы, соки, меды, лесные чаи, сурья, сыровец, и, скорей всего, явамад.

Камал Джаганатх сидел, справа от меня, несколько на развороте стола (абы всегда там располагался) на противоположной стороне поместился Арун Гиридхари (ровно приглядывающий за ним), как раз между прабхой и Ковин Купав Куном. Амирнарха усадили слева от меня, в достаточной близости, которую составлял вельми так суетящийся фитюльк. Эка не только подвесил возле своего хозяина сразу три подноса, но и удерживал в одной руке и на кончике длинного схожего с плеткой хвоста еще два блюда, заставленных тарелками, мисочками, блюдцами, плоскими полными еды. Посему я, поглядывая на него, порой ухмылялся, ибо со стороны казалось, что слуга Раджумкар Анга Змидра Тарх боялся, что его хозяина объедят, потому нагружил кушаньями впрок. Хотя сам амирнарх наблюдаемо не прикоснулся к еде, всего только сидел и пил (в том, поддерживая главного дхисаджа) сыровец.

Из слуг ноне за столом находились, не говоря о халупниках велесвановцев Туви и Хшоне, лишь Наэль и Нурсиз, Янь-ди прабха отослал. Так как, предпочитая его иным своим челядинам, старался укрыть от гнева Ананта Дэви. Поелику, в последний раз пребывания сурьевича на Пятнистом Острожке, Янь-ди не удачно вклинился в спор. Кой состоялся между Камалом Джаганатхом и Ковин Купав Куном и касался, с очевидностью меня, посоветовав им осведомиться о моем мнении и лишь опосля принимать какое-либо решение. Это, так молвить, вкли-

нивание в разговор вызвало не только в Чё-Линге гнев (который стоил Янь-ди долгим сроком отсутствия в чертогах по причине полученных побоев), но и в Камале Джаганатхе, оный уведомил челядина, что в следующий раз просто отправит его на переплавку, как испорченный материал. Так как все прислуживающие Ананта Дэви существа, создания подчинялись ему безоговорочно, и лишь некие (в том числе главный дхисадж и, как я понимаю, Арун Гиридхари) могли вступать с ним в спор, тем паче давать советы. С тех самых пор Ларса-Уту старался всяк раз отослать Янь-ди коль мы втроем (считая Ковин Купав Куна) кушали в его чертогах, тем самым боясь потревожить главного дхисаджа, также в том предупреждении поддержавшего сурьевича.

Сегодня за столом ощущалось напряжение, которое привез с собой Ананта Дэви. Потому почти не говорилось и не елось. Кушали всего-навсе прабха и сурьевич. Арун Гиридхари приотронулся лишь к каким-то фруктам, и даже, как я, почти ничего не пил, сделав, может, глоток или два из кубана с соком. Камал Джаганатх почасту поглядывал в мою сторону и неизменно, что-то шумно проигрывал своими ноздрями Туви, посему последний, отправляясь к столу, брал какое-либо небольшое блюдо с едой, и, принося ко мне, низко подергивая головой, предлагал искушать.

– Да, не буду я... Не хочу! Камал Джаганатх скажите ему, чтобы убрался, – сердито проронил я, когда халупник в очередной раз принес мне, то ли студня, то ли мясо под взваром, попытавшись даже пристроить удлиненную тарелку на, итак, переполненный поднос, парящий несколько правее меня, почитай над подлокотником кресла. И тотчас не столько даже Ананта Дэви, сколько Арун Гиридхари, что-то шумно дыхнул по велесвановски (нынче без птичьего напева и даже без однократной трели). И Туви, не мешкая, подцепив принесенную посуду одной рукой, качнул вниз свою уплощенно-узкую, удлиненную голову, завершающуюся длинным мягким хоботком, одновременно, согнув шею и качнув повислой кожей, образующей складки возле плеч, таким образом, изобразив поклон, да стал пятиться назад к столу. Обаче уже в следующий миг он развернулся к нему, и, пристроив тарелку на столешницу, снял с нее серебристый округлый ковш, с длинной ручкой, принявшись наливать в пустой кубан какой-то напиток. Наверно, выполняя ранее выданные сурьевичем распоряжения. Абы в ту же секунду негуснегести, опершись обеими руками об подлокотники кресла, больше напоминающие округлые валы, слегка подался от высокой его спинки вперед, и с тем выкинув в направлении Ананта Дэви руку, очень ласкательно произнес:

– Голубчик, прошу вас, успокойтесь. И не стоит ноньмо баловать себя явамадом и тем паче Праджапати.

– Сиречь я не смогу поведать нашему уникальному мальчику пошто мы сюдытка прибыли, – несогласно отозвался Ананта Дэви. Впрочем, таким виноватым тоном, что я пришел к выводу, он зачастую прислушивался к советам негуснегести, будучи в свой срок воспитанным им, тогда, когда еще взрослея, набирался собственных способностей. Понеже уже засим в его шумном дыхании высокая нить струны гуслей, молвленная по гиалоплазматически, почти не сопровождалась трелью птицы. А Туви налив явамада из ковша только в один кубан, торопливо подхватив его, ступил к креслу сурьевича, да, передав посуду хозяину, застыл подле подлокотника. И я понял, что в части меня Камал Джаганатх, все-таки, принял совет Аруна Гиридхари, потому протяжно фыркнув, сказал:

– А вот интересно... – да тут же осекся.

Осекся потому, как в одно время со мной заговорил амирнарх, спросивший:

– А, где Чё-Линг? – и также прервался, повернув в мою сторону голову и едва ею, качнув, тем давая возможность говорить мне. Впрочем, я, переведя на него взгляд, лишь кивнул в ответ, предоставляя сию возможность ему. И так мы опять замолчали, однако ненадолго, ибо засим в несостоявшийся разговор вмешался Ковин Купав Кун весьма авторитарно проронивший:

– Ваше великолепие, просим вас... Что вы хотели сказать, спросить? – и днесь сразу все, не только эти двое, но и Арун Гиридхари, Ларса-Уту, Камал Джаганатх воззрились на меня, несколько смутив. Впрочем, с тем сняв само волнение. Кое порой плескалось холодком на моей коже и, пожалуй, что в прахар полосах.

– Спросить, – все-таки, выдавил я, и сам слегка подавшись вперед, перевел взгляд на Аруна Гиридхари. – У вас, ваше превосходительство... – Негуснегести сразу улыбнулся, не только изогнув нижний край рта, проложив по верхнему краю вплоть до ноздрей тонкие морщинки, но и вскинув сами уголки его вверх, словно поощряя меня говорить. – Кто вас учил велесвановскому языку? Ибо и Камал Джаганатх, и вы... Я теперь уверен, вы говорите с дефектом... с отклонением от гиалоплазматического языка. Так как я почти не слышу в вашем толковании птичьей трели, которое точно перекрывается шумным дыханием. Ровно ваше толкование имеет серьезное звуковое отступление от гиалоплазматического языка. – Я чуть прервался, качнул головой, вспоминая, как звучал гиалоплазматический язык, и задумчиво дополнил, – явно не присущее их языку.

И тотчас, услышал шумное дыхание и звучание сразу нескольких струн, теперь только без сопровождения птичьей трели, лишь однократной ее трели, заговоривших по велесвановски между собой негуснегести и Камала Джаганатха.

– Меня учила так говорить ваша мать, ваше великолепие, – отозвался Арун Гиридхари, несколько вводя меня в очередное беспокойство. – Схapatиху, Анг дако Мадбубухат, в свое время именно она помогла пречистому гуру создать меня из определенных информационных кодов и подсказала, каковым образом, надоть заложить возможности принятия и воспроизводства звуков. Она, опять же, присылала в свой срок необходимый материал, дабы я освоил велесвановский язык. – Негуснегести прервался, едва качнув головой, ровно поправившись, добавил, – точнее будет молвить гиалоплазматический. И вельми, вероятно, что услышанное вами серьезное звуковое отступление, является токмо моим допущением, как несовершенного в том создания.

Он это сказал с таким достоинством, благородством, что я понял, никоим образом, Арун Гиридхари не принижал свои возможности, как ученика или учителя, всего-навсего указал на разность структурных творений Веж-Аруджана и гиалоплазматических Галактик. А меня его рассказ ввел в очередное задумчивое волнение, ибо я подумал, что мой отец столь удивительно все выверил в моей жизни. В свой срок, не только даровав возможность, появится негуснегести, оногу обучила моя мать, но и встретится нам, чтобы уже он обучал их общего сына гиалоплазматическому языку.

– Значица вы не видели мою мать, обучаясь? – спросил я, впрочем, не столько нуждаясь в ответе, просто желая поддержать разговор. Так как от Ковин Купав Куна знал, что лично он с Анг дако Мадбубухат встречался. И моя мать умевшая толковать мысленно и по перундбаговски, в свой срок подсказала главному дхисаджу, каким побытом, можно воссоздать Камала Джаганатха, и также советовала, как нужно наладить общение с гиалоплазматическими созданиями. Я также знал из тех его рассказов, что Анг дако Мадбубухат имела достаточные размеры, сравнимые сейчас с размерами ВианикшиДамо, только иной образ, схожий все-таки с чем-то более наблюдаемым, обладающим лицом и начальными органами чувств.

– На момент моего взросления, – вставил Арун Гиридхари, и, мне показалось, я, задумавшись, не сразу воспринял его речь, а словно с середины самого ответа. – Анг дако Мадбубухат была уже единовластной правительницей Джизэйсиу, Ланийкдан, но и, вероятней, всех инаковых Галактик Гёладже, Шокмад, Срынфы. Абы на тот срок веремени иные схapatиху подверглись маране, и задолго до моего туда первого путешествия. В оном я, так-таки, встречался с вашей матерью и заручился ее поддержкой в торговых связях с матками-маскулине на долгие, долгие колоходы. Поелику вельми длительный срок ВианикшиДамо являлась сравнительно слабым созданием, и власть в Ланийкдан не сосредотачивалась в ее руках, – дополнил

он и едва повел вправо головой. Посему мне почудилось высокий ворот его малинового кафтана, сложенный из пластинчатых золтых кружков, в середине оных находились многогранные густо-красные драгоценные камни, натирает ему.

Я, впрочем, не дослушал Аруна Гиридхари и даже не отозвался на его рассказ, понеже ничего не узнал нового из него. Так как Ковин Купав Кун в свое время мне обо всем этом толковал. Единственно только, что и было новым... Это то, что моя мать научила негуснегести гиалоплазматическому языку то ли нарочно не правильно, то ли и впрямь он оказался прав говоря о разности созданий разноструктурных Галактик. А может она сама, Анг дако Мадбубухат, толковала подобно велесвановцам, и то отклонение в языке касалось лишь Вианикши-Дамо и ее созданий. И потому как я смолк, пространственно уставившись на стол, и замолчал Арун Гиридхари, заговорил амирнарх, показавшийся мне любителем поболтать, молвивший:

– Хотел уточнить по поводу Чё-Линга, да поколь я тутова осмотреть его. Где он?

– Прибыл опосля вас, ведя в поводу, так-таки, едва держащегося на ногах кондрыка, отправившись с ним на кондюшни, – откликнулся отрывистый с хрипотцой, наполненный ошутимой авторитарностью, голос главного дхисаджа, ровно чеканящего слова, и потому явственно негодующего. – И хотя я ему указал прибыть в чертоги прабхи, не явился. Вже не впервой нарушая мои указания. Понеже Раджум у меня складывается впечатление, вы в прошлый раз ему не до конца почистили информационные коды. Придется тем заняться мне...

– Да, что вы, Ковин... Того не может никак быть, абы я вельми старался, – отозвался Раджумкар Анга Змидра Тарх, вызывая у меня на губах улыбку, так как заговорил с главным дхисаджем, таким образом, словно желал на нем подтрунить. Посему и я торопливо прервал собственные думы, да повернув голову и взгляд в направление амирнарха, заметил широкую улыбку на его толстых красных губах и чуть покачивающийся кисточкой хвост, словно поглаживающий поверхность пола. И мне почему-то показалось, что он подшучивает над Ковин Купав Куном почасту, абы тот на это поддается.

– Жаждал, так молвить, особлива в том угодить вам, мой дорогой брат, – добавил Раджумкар Анга Змидра Тарх, и теперь в его высоком голосе с легким дребезжанием стала ощущаться легкая подковырка. Пожалуй, каковой он не раз подстегивал главного дхисаджа, не затем дабы обидеть, а просто так поднять настроение ему и окружающим. – И в сем небось Ковин, сызнава просчитался. Абы супротив ваших творений, мои остаются жизнеутверждающими, – досказал он, и только теперь ощутив на себе мой взгляд, развернув голову, да легонечко ею качнул.

– Ага, Чё-Линг самый лучший, – молвил я и торопливо закивал в ответ, не менее широко улыбаясь.

– Еще одно его не послушание, – вставил в наше обоюдное сияние прабха и голос его супротив наших двух звучал достаточно недовольно, абы он зачастую поддерживал главного дхисаджа. – И я отстраню его от общения с Праджапати. В прошлый раз увез даракаша без сопровождения в Эриду, ноньмо не взял лодочку. Вже надоело наказывать и отсылать его, – дополнил он, и тягостно вздохнул, сняв с подноса висящего подле, которое обслуживал Нурсиз, кубан с киселем. Я одначе не стал вступаться за Чё-Линга зная наверняка, что амирнарх, как и главный дхисадж его не станут отсылать, а гнев... Тот самый который ноне проявил прабха в мале утихнет, и все будет по-старому... Чуть слышно хмыкнул Ананта Дэви, видимо, приняв на себя мои мысли (порой ему это также удавалось, когда я не таился), и допив остатки явамада из кубана передал его в руку Туви, слегка притом качнув всеми четырьмя перстами, тем отстраняя от себя и сам поднос, сегодня наполовину полный еды. Посему халупник сразу подхватил его двумя правыми руками и шагнул за кресло, ровно притаившись за ним. И синхронно тому движению сие повторил Хшон, днесь ушедший за кресло негуснегести.

– Раджум, пусть фитюльк оповестит всех о кулуарности беседы, – внезапно проронил Ананта Дэви таким тоном, что я вновь передернул плечами и протяжно фыркнул, пытаюсь

взять себя в руки и успокоиться. Амирнарх дотоль поглядывающий на меня враз дернул взгляд на фитюлька и очень четко, выверяя каждое слово, сказал, обращаясь к своему слуге:

– Эка, оповестите всю охрану о приватности беседы, полоса отишья и повышенного контроля, – и фитюльк тотчас качнул влево своим плеточным хвостом, пристраивая находящийся на его кончике поднос, к двум висящим в воздухе, возле подлокотника кресла, сгружая туда и то блюдо, которое держал в левой руке. А после, моментально развернувшись, сорвался с места, и, переставляя свои четыре ножки, вслед двух попарных, направился к лестнице и мостовой, помахивая на бегу своим тонким, длинным хвостом.

Глава восьмая

Мне, кажется, сиплый голос фитюлька все еще продолжал звучать позади моего кресла, выкрикивая:

– Полоса отишья! – когда я перевел взгляд на лицо Ананта Дэви окончательно приходя к выводу, что его прилет на Пятнистый Острожок не был продиктован желанием познакомиться меня с новым учителем, Аруном Гириджари, а имел под собой нечто иное...

Какой-то неприятный сюрприз... Впрочем, вместе с тем, в темно-лиловых глазах Камала Джаганатха я прочитал такую нежность, а принятая на поверхность кожи моих плеч волна любви, даже более того обожания, каковую он послал и испытывал, ровно хриплым погудком выдавили из меня вопрос:

– Что?

– Вы правы, Лан-Эа, мой уникальный мальчик, дитя, мой поразительный абхиджату, – проронил он с такой нежностью, что мое волнение, пожалуй, еще сильнее усилилось, и коль до этого кожа вибрировала, теперь стала холодить. – Мои сюрпризы не закончились. И я убежден, молвленное ноньмо мною, вам не понравится. Обаче, я надеюсь, хотя б не расстроит. – Ананта Дэви смолк и тягостно выдохнул через рот, так что его края наблюдаемо и очень резко сократились. – Уже немалый срок, – начал он, весьма прерывисто, – как я, Раджум, Врагоч и велесвановцы обобщенно, стараемся наладить переговорный процесс между Веж-Аруджаном и тремя соседними Галактиками: Гёладже, Шокмад, Срынфы. Абы последний колоход посланные в Джизэйсиу и Ланийкдан шпеги, следящие устройства и существа, сообщали нам, что ВианикшиДамо и НагтубоНга, правящий в Джизэйсиу, решили объединить свои силы супротив вежаруджановских. Являясь практическим единовластными правителями сих Галактик...

– Правительницами, – внезапно перебил я сурьевича, впрочем без намерения поумничать. Просто меня неприятно обожгло то, что он, зная об их сути, почасту (в отличие от иных созданий) продолжал обращаться к ним, как к мужским особям. – Матки-маскулине женские особи, как и схапатиху, не должно изменять их суть. Извините, что прервал Камал Джаганатх, – добавил я, оно как сосредоточенность взгляда сурьевича словно окатила меня дождевой водой, отнимая все недовольство. И я понял, что Ананта Дэви так долго настраивался на данное толкование, собираясь с силами, мыслями и я не просто прервал его, а явно сбил с того самого настроения. Да только он, ровно окончательно определившись в собственном выборе, лишь торопливо кивнул и с той же напористостью, которую я всегда подмечал в беседах с ним и явно указывающую на него, как на мощного, величественного творца, произнес:

– Да, да, Лан-Эа, голубчик мой уникальный, вы правы. Надоть обращаться к маткам-маскулине в положенной форме, абы в дальнейшем не произошло недопонимания. Поелику матки-маскулине ВианикшиДамо и НагтубоНга являются единовластными правительницами, – днешь и сразу поправившись, продолжил он. – Они почитай в полной мере подчинили или поглотили подобных себе в Джизэйсиу и Ланийкдан, да надьсь направили требование в АнгКоншехо, сие нечто подобное Великому Вече Рас Веж-Аруджана, оное собрано из более крупных маток-маскулине Галактики Гёладже, Шокмад, Срынфы. В данном требовании ВианикшиДамо и НагтубоНга указали распустить АнгКоншехо и принять их власть, как ближайших и старших наследниц последней схапатиху Анг дако Мадбубухат.

Камал Джаганатх смолк на самую малость, а я, уставившись на него, все больше наблюдал, как плескалось его волнение, каковое тягучими золотыми нитями, вырывалось из медно-серебристой кожи, кружило возле оранжевого сияния и с тем подавляло, или только впитывало плывущий там желтоватый дымок. Теперь не смея заговорить, всего-навсего подавляя

собственную тревогу, которая отзывалась холодком на моей коже и в прахар полосах. А Ананта Дэви протяжно, шумно выдохнул через свой маленький рот, и чуть понизив голос, продолжил:

– Оногдась возвернувшийся из Галактики Гёладже кхагел састрама с Самиром на борту, сие один из моих доверенных велесвановцев, сообщил, что матки-маскулине готовы встретиться с нами. Ис вами, Лан-Эа, как с единственным сыном последней схапатиху Анг дако Мадбубухат. И исходя из самой встречи, они вже решат, чью сторону им принять, Веж-Аруджана али ВианикшиДамо. Встреча состоится в Гёладже на лицевой части матки-маскулине НгаКатахум, теперича являющейся выборно-старшей. На встречу оная, согласно договоренности, пройдет завтра в двенадцать часов согласно системы Тарх, будут присутствовать сознания, представляющие инакие Галактики, в частности АсуаПверса, НгаПадпула, НгаКамот, ЦсаКа-лигон. С нашей стороны на сию встречу направятся я, Ларса-Уту и вы, Лан-Эа.

Ананта Дэви замолчал и вновь наблюдаемо протяжно выдохнул через рот, да тотчас подняв вверх правую руку, легонечко качнул сразу всеми четырьмя перстами. И, немедля, из-за кресла явился Туви, да поспешив к столу, не выпуская из двух рук поднос, принялся сгружать с него всю посуду с остатками еды, а после стал наливать из ковша в стоявший на нем кубан явамада. И синхронно тому, Арун Гиридхари шумно проиграл, что-то по гиалоплазматически. Посему халупник, поднял со стола и поставил рядом с кубаном полную мису сметаны, тарелку с бараньим сычугом, хлебом и какой-то кашей, не менее спешно вернувшись обратно к Ананта Дэви и сдержав поднос пред ним. Туви сразу выпустил блюдо из рук, и оно моментально зависло почти над правым подлокотником кресла сурьевича.

– Я пойду на встречу? – переспросил я, ибо наблюдая за телодвижением халупника, кажется, не сразу воспринял пояснения Камала Джаганатха. Тот, впрочем, не торопился отвечать. Он медленно снял с блюда кубан, и, поднеся его ко рту, сделал несколько продолжительных по времени глотков, словно в них набираясь смелости, лишь засим достаточно тихо дополнил:

– Да, ибо вы, Лан-Эа... Тока вы и сумеете убедить маток-маскулине перейти на сторону Веж-Ауджана, продемонстрировав пред ними способность, кья была у вашей матери схапатиху Анг дако Мадбубухат и об оной гиалоплазматические создания ведают.

– О какой способности вы толкуете Камал Джаганатх? – протянул, вопрошая я, и перевел на него взгляд, легошенько передернув плечами, абы озвученное сурьевичем стало меня пугать.

Ананта Дэви вновь сделал продолжительный глоток явамада из кубана и сместил, дотоль блуждающий и точно ищущий поддержки у собственных соратников (сидящих за столом), взгляд темно-лиловых глаз на меня. Одновременно, он как-то вымученно улыбнулся, не только изогнув нижний край рта, но и проложив по верхнему краю вплоть до ноздрей тонкие морщинки, да, пожалуй, с той, же натугой пояснил:

– Я толкую о способности поглощать сознания Лан-Эа. Ту самую способность, каковую вы унаследовали от своей матери, и каковую матки-масклине наблюдали у Анг дако Мадбубухат. Понеже, как вы сами можете понять, мой уникальный мальчик, на мои утверждения, что вы есть сын последней схапатиху, они не откликнулись, первоначально мне не поверив, – он сделал небольшую паузу, завершая ее торопливым глотком явамада, как мне показалось, последнего из кубана. – Одначе им удалось перехватить сознание одного из сынов ВианикшиДамо, кой им сообщил, что по представлению правительницы Галактики Ланийкдан, вы, Лан-Эа, есть полное воссозданное повторение диэнцефалона схапатиху Анг дако Мадбубухат. Поелику токмо НгаКатахум и инакие матки-маскулине приняли мое предложение о встрече. В связи с чем, вы, Лан-Эа, – дополнил сурьевич свою вельми длинную речь и поймал мой несколько отрешенный взгляд, зафиксировав связью меж нами. – Вы поглотите сознание пойманного создания ВианикшиДамо и матки-маскулине присягнут вам в верности, признав в вас сына Анг дако Мадбубухат и СансарРуевитаПраджапати-джа, передав хранимый ими титул

Бхаскара. И в ближайшие сутки сего колохода в Великом Вече Рас мы объявим вас Бхаскара-Праджапати, обновленного Нитья Веж-Аруджана, включающего не только три наши Галактики Сварга, Вышень и Брахма, но и трех гиалоплазматических Гёладже, Шокмад, Срынфы.

– Уже все готово в Тарх системе, на Садхане выстроен вам, ваше великолепие, терем, и представители высокоразвитых рас находятся в ожидание вашего восшествия, как Бхаскара-Праджапати, – торопливо отозвался Раджумкар Анга Змидра Тарх, с очевидностью, приходя в помощь Ананта Дэви. – И я согласен с его высочеством сие будет упреждающий удар по замыслам ВианикшиДамо и НагтубоНга, – добавил он, и хотя я его не видел, все еще не смея разомкнуть зрительную связь с Ананта Дэви, почему-то понял, что он также не сводит с меня взгляда. – И возможно, когда они узнают, что матки-маскулине инаковых Галактик признали в вас сына Анг дако Мадбубухат, не станут затевать с Веж-Аруджаном войну, – досказал он весьма ровно, и я подумал, что амирнарх вроде и не против уступить мне власть, видимо, в том полностью полагаясь на мудрость сурьевича.

И еще я подумал, что сейчас при принятии власти обновленного Нитья Веж-Аруджана, не получаю своего полного титула Бхаскара-Праджапати-джа, как о том когда-то толковал Камал Джаганатх, наверно, потому что пока в этот обновленный союз вступают лишь три из пяти гиалоплазматических Галактик. Я только подумал о том, вслух говорить не стал, ибо меня сейчас волновало нечто иное, потому и переспросил:

– Я не понял вас, Камал Джаганатх, кого я должен съесть?

– Не съесть, а поглотить, – в резкой форме отетил Ананта Дэви, поражая меня тем, что, как, оказывается, мог толковать подобным образом со мной, будто плохо справляясь с собственными нервами. – Вы должны поглотить, Лан-Эа, сознание пойманного создания ВианикшиДамо и только сие поможет нам заключить мирные условия с тремя гиалоплазматическими Галактиками, – молвил он. И, увидев, как я тягостно качнул головой, не столько даже отказываясь, сколько пытаюсь разрушить наш зрительный контакт, добавил, – и прошу, мой паразитный мальчик. Прошу, Лан-Эа, принять эвонто, аки данность. Инчас нам приходится свершать противное нашей сути, но создаются таковые условия, внегда мы не в праве подвергать риску, гибели созданий, существ Веж-Аруджана.

Всех, кто стар и кто молод, что ныне живут,

В темноту одного за другим уведут.

Жизнь дана не навек. Как до нас уходили,

Мы уйдем; и за нами – придут и уйдут, – процитировал он четверостишия своего любимого Омар Хайяма и тягостно вздохнул. Так как порой те рубаи никто кроме него не понимал, а иногда он их вставлял и вовсе некстати, точно в такой момент думал о чем-то своем.

У меня так и не получилось вырвать взгляд из хватки глаз Ананта Дэви, я лишь их сомкнул, содеяв, таким образом, плотную темноту, в которой словно осознал весь, так молвить, сюрприз...

И тот же миг увидел перед собой, в образовавшейся тьме, некогда поглощенное сознание Изимахань. Повторяющее своим образом вежаруджановские создания, имеющее туловище, руки, ноги, голову, только густо черного цвета слоистой структуры высокой вязкости, где тончайшие нити пролегали друг относительно друга, не всегда плотно, а потому образовывали тонкие, сквозные щели. И с тем все еще испытывая ужас оттого, что поглотив сознание, лишил Изимаханя способностей даятесия, пусть даже оставив в жизнедеятельности сам диэнцефалон.

– Значица, вы прилетели Камал Джаганатх вовсе не затем, дабы познакомить меня с негуснегести Аруном Гиридхари. Оный, как учитель поможет мне освоить гиалоплазматический язык, – заметил я, и, вновь передернув плечами, тягостно задышал всей поверхностью кожи. Лишь затем медленно отворил глаза и сразу взглянул на стол, ощутив словно прилив особого голода, каковой давно не испытывал, в желании съесть все и, как можно больше. И с тем

чувством окончательно осознал, что моей вольной и приятной жизни на Пятнистом Острожке пришел конец. И, скорей всего, Ананта Дэви пытался растянуть этот срок, но мой отец... тот самый, чье имя я ныне носил, как титул, решил по-другому.

– О, ваше великолепие, – перехватывая инициативу, заговорил Арун Гиридхари, очевидно, как и амирнарх, желая поддержать сурьевича. – Мы, всенепременно, станем с вами обучаться. Ежели получится, то к сему приступим на Пятнистом Острожке, а коли нет... Тады в Тарх системе. Но я уверен, что вы, ваше великолепие, освоите гиалоплазматический язык в короткий срок, понеже он сосредоточен в ваших информационных кодах.

Не знаю даже... таким побытом... той речью негуснегести желал поддержать меня ли, или только Ананта Дэви, так как последний отмалчивался. Да взяв с тарелки, стоявшей на подносе, кусочек хлеба, обмакнув его в сметану, свершил им небольшой полукруг, точно размешивая кушанья. А я увидел, что не только перста Камала Джаганатха, удерживающие хлеб, легонечко вздрагивают, но и вибрируют те, которые крепко сжимают пустой кубан, самую толику покачивающийся вперед-назад. Не столько даже чувствуя его волнение, но и наблюдая его, осмысляя, что от сего решения не могу убежать, ибо там могла вновь выступить Праматерь Галактика с каким-нибудь странным или смертельным ответвлением. Посему глубоко выдохнув, так что колыхнулась материя моего опашня, наконец отозвался согласием, сказав:

– Добро... Пусть будет, как вы толкуете Камал Джаганатх. Я отправлюсь с вами на встречу, и съем сознание посланное ВианикшиДамо, опосля того приму титул Бхаскара-Праджапати. Но тогда прошу назначить мне в личную и бессменную охрану Чё-Линга. Онный также направится со мной в Тарх систему, и с этих пор станет подчиняться лишь моему слову, – таким ответом полностью снимая с авитару какие-либо возможные взыскания, как и передавая права наложения того или иного наказания в мои руки.

Глава девятая

Я резко поднялся на ноги и выпрямился, а после и вовсе каким-то единым махом развернувшись, направился мимо стоящего главного дхисаджа в сторону моего ложа, ноне сомкнутого по кругу нежно-голубой занавесью. Да с той же стремительностью, в пару секунд не более того, миновал саму длинную и широкую террасу, оставив позади себя все еще сидящих на овальном, высоком, голубоватом тюшаке (сплетенном из тончайших ветвей растения) Ананта Дэви и прабху. Это была уже третья попытка отправится на встречу с матками-маскулине, опять закончившаяся моим резким побегом, который, впрочем, завершился всего только я подошел к ложу и увидел стоящего возле него Никаля, точно прикрывающего проход к закути, да поместившихся с двух сторон от него Наэля и Нурсиза.

В этот раз мы расположились (обаче, как и всегда) на моей террасе чертогов, по причине того, что она была оборудована специальным куполом, оный в случае непредвиденной ситуации (под которой понималось сеяние мною вируса) полностью смыкал само помещение. Ноне тут кроме нас троих, главного дхисаджа, его трех слуг, находились еще перундьяговцы и Чё-Линг, теперь перешедший не просто в мою охрану, а под мое руководство. И если Дон и авитару стояли по правую сторону чертогов (так сказать на обыденном своем месте) на первой ступени лестницы, то напротив них поместилось сразу трое перундьяговцев из охраны сурьевича. Несколько крсн зависло в удалении по береговой линии океана и над лесным массивом, таким образом, они прикрыли подступы к чертогам, абы с планеты на какой-то срок должны были снять охрану в виде ловушечных установок даха-даятеситы.

Я, достигнув ложа, вновь остановился, опустил голову и уставившись на пол, поигрывающий голубыми, фиолетовыми и зелеными полосами цвета, словно отражающихся от трех стен и высокого потолка, собранных из обработанных узких бревен, переливающихся лазурью круговых полос по своей гладкой поверхности. И тяжело задыхался, так как испытывал дикое желание, развернуться и, что есть мочи помчаться к лестнице, чтобы прыгая по прозрачно-белым ступеням выскочить на белую прибрежную полосу песка, и утонуть в сходящейся с ней лазурно-голубой воде.

Слышимо позади меня с тюшака поднялся Ананта Дэви и также медленно принялся фланжировать вдоль лестничного пролета, ничего не говоря и даже меня не окликаая. Ибо в тот же момент ко мне сзади подошел главный дхисадж и нежно обняв, привлек к себе, поцеловав в голову правее одетого на нее вено, оно как сегодня ни я один был парадно облачен. И если на меня надели белый опашень, в легкую и ворсистую ткань которого, смотрящейся серебристо-белыми разводами, вплели нити из вельми дорогого металла Веж-Аруджана граивейя. То на прабхе были: нежно-лазурного цвета тельница, шальвары, сапоги и багряный поволочень. Он частью снял с себя украшения, оставив лишь пару колец на левой руке, и еще одно в правой ноздре, где переливался большой синий камень. Камал Джаганатх также помимо привычной алой утаки, огненно-малинового паталуна, и того же цвета мягких сапог, подпоясался пластинчатым, оранжевым поясом, но и водрузил на себя малиновый долгополый кафтан с длинными рукавами, каковой своим высокий воротом, поддерживал его голову, будучи сложенным из пластинчатых розово-фиолетовых кружков агаркашта, в середине имеющих многогранные густо-пурпурные самоцветные камни.

– Дитя мое, успокойтесь, – очень нежно продышал главный дхисадж и вновь коснулся губами моего лба. Ананта Дэви знал, кого ко мне надо было прислать, чтобы усмирить волнение. Абы лишь Ковин Купав Кун умел то делать своим неторопливым отрывистым с хрипотцой голосом, каковым уговаривал меня не только вечером, но и ночью, и утром. Поелику я долгое время не мог ноне уснуть, и спал лишь благодаря впрыскиванию которое, по уговору с главным дхисаджем, произвел Никаль. Однако сон не принес обещанного мне успокоения, потому как

я был на столько взвинчен, что кушая, выбил блюдо из рук Ель-ку, а потом когда тот пытался оправдаться, а Янь-ди заступиться швырнул в последнего кубан с клеточным соком. И ежели Ель-ку мне было жалко, так как я оказался к нему не справедлив. То на такого нахального Янь-ди, вечно умничающего и спорящего, раскричался столь сильно, что лишь выдворение его из столовой Доном и одновременное появление в ней главного дхисаджа смогли меня урезонить.

– Вы, же понимаете, Лан-Эа, – произнес чуть слышно Ковин Купав Кун, сейчас величая меня по имени и тем самым снижая не только мой страх, волнение, но и ровно передавая мне свои силы. – Вам понадобится отправляться, понеже матки-маскулине не станут ожидать более отведенного для того мероприятия времени. Прошу вас, дитя мое, – это его сравнение и вовсе действовало на меня будто впрыск успокоительного, теперь на которое я мог опереться. – Успокойтесь, подавите свою горячность и возбуждение. Абы нынче от вас так много зависит, быть может, мириады жизней существ, людей, созданий, как вежаруджановских, так и гиалоплазматических.

Я согласно кивнул, понимая, как он прав. Впрочем, мне было очень сложно содейть обговоренное ранее, так как я не хотел поглощать сознание, чувствуя... подозревая в том не просто лишение способностей даятеситя, а нечто большее. Хотя, сейчас не мог отступить, и не столько потому как уже осознавал собственное место в Веж-Аруджане, сколько потому как вчера... там за столом в чертогах прабхи, куда, так-таки, пришел разысканный Доном авитару, Ананта Дэви, словно утверждая наши договоренности, проронил, обращаясь к нему: «С нынешнего момента вы, Чё-Линг более не подчиняетесь прабхе. Абы вам, вашим творцом амирнархом и мною, по согласованию с прабхой Ларса-Уту назначен новый властитель, сие Праджапати Лан-Эа, – он прервался на самую малость, так как от той молви самого авитару легонечко качнуло. – Радуйтесь, Чё-Линг, поелику вы ноне в услужении у нашего всеобщего любимца, а сиречь за все выходы я бы вас, беспременно, покарал». И тотчас авитару ступил к моему креслу, опустил пред мной на колени, и, приклонив голову, нежно и тихо, полностью убрав из голоса какую-либо суровость, произнес:

– Отныне и до века служу и подчиняюсь вам, мой властитель, Праджапати!

Сейчас я вновь вспомнил о той нашей договоренности, по которой отобрал у пара-митры не просто отличного помощника, но еще и доверенное лицо. Да все еще ощущая в том вину, хотя меня убедили, и сам прабха, и главный дхисадж, в обратном, принялся глубоко дышать всей поверхностью кожей, порой фыркая ртом и тем, останавливая волнение.

– Сие токмо сиг, мгновение вашей жизни, дитя мое, – вновь убеждающе и, одновременно, уговаривающее заговорил Ковин Купав Кун, – кой, чем раньше начнется, тем скорей завершится. И вже вмае мы с вами полетим в Тарх систему, и вы станете думать об сем, как о свершенном факте.

– Лан-Эа, прошу вас, веремя, – наконец, не выдержав, откликнулся прохаживающийся возле лестничного марша Ананта Дэви, и в голосе его таком мощном ощутимо прозвучала тягость и беспокойство.

– Да, идемте, – отозвался я, боясь еще сильнее все усугубить, не только с матками-маскулине, но еще и с Праматерью Галактикой, столь не ясно, зачем, вмешавшейся в мою жизнь и грядущее. И синхронно со мной Ковин Купав Кун развернулся, да все еще обнимая, повел к тюшаку, на котором весь тот срок безмолвно сидел прабха, скрестивший ноги, соединивший меж собой плотно подошвы стоп, и не просто притянув их к промежности, а словно подперев ими свой достаточно большой живот.

– Даракаш, мой уникальный, – неизменно с теплотой молвил Ларса-Уту, широко улыбаясь своими красными толстыми губами и пригнув удлиненную кверху голову, заложив под подбородком сразу три широкие складки на шее. – Не волнуйтесь так, ведь и я, и его высочество будем подле.

Я улыбнулся в ответ только более вымученно, ибо и впрямь проводил над собой все это время усилия, заставляя, принуждая, так молвить. Главный дхисадж бережливо усадил меня на тюшак, как раз по правую руку от прабхи, и, я незамедлительно согнул ногив коленях, да переплел их, дабы одна из них оказывалась под другой. А пара-митра между тем торопливо протянув руку, ухватил меня за запястье и кисть, легонечко их пожав, вкладывая в этот жест всю испытываемую ко мне нежность и заботу, так, что меня вновь окатило чувством вины, поелику я молвил:

– Вы, не сердитесь пара-митра, что так получилось с Чё-Лингом. Все время думаю, что отобрал у вас доверенное и очень близкое создание. И тревожусь, кто теперь будет управлять на Эриде и в других градах Родонии?

– Не тревожьтесь о том, ваше великолепие, – сразу произнес Ковин Купав Кун, и нежно пожал мои плечи, лишь затем, их выпустив из хватки, да испрямившись, сразу шагнул от меня назад, впрочем, все еще находясь в достаточной близости. – Абы на Пятнистом Острожке, как вел хозяйство Чё-Линг, так и продолжит. Вы ведь не навсегда уезжаете с прабхой в Тарх систему, только на время, – добавил он, и, я тягостно вздохнул. Ибо понимал, коль буду жить в Медунице не стану видеть главного дхисаджа, а коль наоборот, то пара-митру... Поелику Ковин Купав Кун жил на Пятнистом Острожке поколь лишь по двум причинам (в свой срок озвученных мне Ананта Дэви). Во-первых, потому как помогал прабхе поднимать меня, а во-вторых, потому как сам так много знал и значил, что мог стать причиной нападков не только мятежников Веж-Аруджана, но и созданий гиалоплазматических Галактик...

Словом, как сейчас не поверни, все было для меня плохо и новое, и старое...

Впрочем, долго о том рассуждать мне не удалось, абы стоило мне заговорить, как сразу к тюшаку от края лестницы направился Камал Джаганатх. Он, опять же, поспешно опустившись на него, напротив меня, принял позу пуспа, соединив меж собой плотно подошвы стоп и притянув их к промежности, слегка притом подмяв под них материю порео, одновременно, уложив сами колени на поверхность тюшака, да испрямив ровно спину. И незамедлительно, дотоль замерший перундьяговец из его охраны торопливо ступил к сурьевичу, и, расправив полы его кафгана, также скоро вернулся на прежнее место, слегка потеснив своих собратьев.

А я, проследив за его действиями, перевел взгляд на белую прибрежную полосу песка, входящего в лазурно-голубую грань воды, даже отсюда наблюдаемого бескрайним океаном. Синь воды сегодня усиливалась за счет того, что и само небо просматривалось сине-желтым, словно оттеняемым звездой Голубой Вялицей занимающей почти третью его часть. Ее сине-серебристый диск, увитый с двух сторон чуть заметными белыми завихрениями облаков, созерцался мутно-тусклым, как и само пространство видимого окоема местности. А все потому как там далее, даже не на лестничном пролете, а уже на полосе берега, над океанской водой продолжал идти, опадая вниз, редкими крупными каплями дождь (последними в сем периоде изливающимися на планету), вспенивающий саму воду. Понеже и сама бывшая на нем мельчайшая рябь, и уже подходящие к бережине водяные гребни были унизаны кудлатыми, белыми загривками, схожими с гривой кондрыка, а потому и раскидывающих по мере движения пенные лохмотки.

– Я убежден, мой уникальный мальчик, дитя, мой поразительный абхиджату, – ласково проронил Камал Джаганатх, стараясь перехватить мой взгляд, и явно дотоль приняв на себя мой переживания. – Мы уладим и сии проблемы, дабы вы могли надолге не расставаться, как с Ларса-Уту, тык и с Ковином, – добавил он, протягивая ко мне левую руку, так как правую сразу взял прабха. – А днесь, вы успокойтесь и послушайте меня. Абы вы оба должны выполните, что я вам толкую. А значица ступаете вослед меня, мои руки при даятеситя не выпускаете, беспременно, фиксируя их, как единое целое. Сиречь смыкаете очи, начинаете глубоко дышать, – он слышимо по голосу торопился, видимо, опасаясь, что я вновь убегу. – Оба смыкаете очи, – произнес он вновь и, очевидно, для прабхи, ибо я сразу закрыл глаза. – Доверяете

мне себя, поднесь мы единое целое. И насчет панча вы оба движетесь за мной. Эка, два, три, чатур, панча... – как-то резко начал он. Однако я успел представить себя тем самым небольшим цилиндрическим предметом со стесанным нижним концом и веревочкой сверху, которую также поспешно передал в его руки, таким побытом, настроив наше общее даятеситя.

Вьюла сейчас не просто завертелась перед моими сомкнутыми глазами в созданной тьме, но и ощутимо дернула меня вперед, вытягивая вслед веревочки, обдав само мое сознание порывом ветра, точно Ананта Дэви перемещался менее плавно, чем прабха. А в последующий момент я услышал его несколько осевший голос, молвивший:

– Можете отворять очи, мы на месте.

Глава десятая

Я тотчас открыл глаза, лишь мельком глянув на сурьевича, который, как и прабха, смотрелся полупрозрачно-черным, не только кожей, волосами, чертами лица, но и одеждой, своим образом, словно выступающий на основном цвете гиалоплазмы. А уже в следующий момент отпустил их руки, абы создавал основу перемещения не только я, но и Ананта Дэви, кой впрочем, не мог воздействовать на сознания, как я. Мы переместились в той позе, в какой покинули мои чертоги, посему Камал Джаганатх срыву поднялся на ноги и развернулся ко мне спиной, ровно загораживая меня. И также скоро встал Ларса-Уту, поспешно шагнул к нему, опять-таки прикрыв меня, посему я подумал, что данные действия ими были заранее заготовлены. Сам же я замер на чуточку, все еще сидя и рассматривая то место, где оказался. И уже примечая знакомую мне вязкую и густую гиалоплазму, цвет которой был черным с легкими перламутровыми парами, точно выступающий поперед основного тона. Обладая тягучестью, данное вещество плотно окутало меня со всех сторон, облизало своими перламутровыми парами так, ровно здоровалось, радовалось моему приходу. И я, глубоко дыша, почувствовал ее пряно-ароматный дух, чего-то свежего, цветущего. Да также сразу уловил множество звуков (хотя и весьма удаленных), где игра гуслей сопровождалась не привычным мне пением птиц, а точно шорохом (словно опадающей вниз сухой листвы) огромного количества живых существ, которые говорили, кричали и даже стонали. Посему было сложно в том хаосе звуков выделить какой-нибудь отдельный.

Тут, опять же, стало заметно, что температура парящего вещества не постоянна. И движущиеся едва отличимые от общего фона гиалоплазмы более или менее черные потоки перемещают холодное и теплое течения, местами, и, то зримо удаленно, формируя легкие завихрения перламутрового дымка. Мы втроем стояли и сидели на сравнительно узкой полосе, завершающейся в шагах пяти от меня, и значимо протягивающейся вперед, на оной наблюдалось плетение синих нитей и наполненность отдельных стыков почти черными более плотными бляхами.

Однако я не столько даже осматривался кругом, сколько сразу воззрелся на поместившееся впереди, сравнительно недалеко, туда, куда и уходила узкая полоса, тело матки-маскулине. Оно в сравнении с размерами ВианикшиДамо было небольшим, эллипсоидной формы и смотрелось растянуто-сплюснутым. Его основной фон цвета был все-таки черный, хотя из самой середины, там, где матка-маскулине слегка сплюсцилась, выбивались (опять загибаясь вниз) четыре тонких кольца, прилегающих достаточно близко к самому телу и тут имеющих голубоватый отсвет. Сами кольца-полосы зримо вихрились по собственной поверхности, а их структура вещества обладала свойствами твердых тел, потому удерживала форму, не растекалась, и, пожалуй, что даже не колыхалась. Впрочем, приметно к собственному краю полосы теряли не только цвет, но и плотность, вроде становясь и вовсе жидкими, абы местами демонстрировали выбивающиеся в стороны тонкие струи, не большие каскады, в которых едва перебивались мельчайшие крапинки, брызги, капельки порой красного сияния. Одначе основная поверхность полос была расчерчена сверху паутиными, серыми волоконцами, щелями, тонкими дополнительными слоями, спиральными пучками, покрыта мельчайшими и различной формы сосочками и нитевидными волосками, в общем создавая эффект бархатистого опушения колец. Само же тело матки-маскулине смотрелось в виде плотно-рыхлой и, одновременно, волокнистой ткани, каковую покрывали, формируя основу, многочисленные образования имеющие форму петелек, трубочек, витых каналцев и даже клубочков, как целой сети тончайших жилок, только иссера-синего цвета. Так, точно и сама матка-маскулине и ее структура в отношении царящего кругом вязкого вещества была не плотной, а только студенисто-тягучая в движении.

– Мы уже подумали, что ты не придешь, Ананта Дэви, – внезапно послышался высокий и явно женский голос сопровождаемый звучанием струны гуслей и на удивлении шумным дыханием.

– Сие не могло случиться, абы я, не нарушая договоренностей, НгаКатахум, – незамедлительно отозвался Камал Джаганатх, и я, глянув прямо на его спину, не смог сквозь нее рассмотреть с кем он говорит (ибо ее прозрачность была лишь кажущейся). И тот же миг почувствовал жалость к сурьевичу, да раздражение на маток-маскулине. Сейчас мне стало ясно, почему он так давеча волновался в моих чертогах на Пятнистом Острожке. Понеже вся жалость, нежность и любовь, оную я к нему питал, мгновенно переросла из раздражения в гнев, когда я услышал, как НгаКатахум с явной насмешкой добавила:

– Тогда желалось бы увидеть того в ком ВианикшиДамо подозревала нашу мать, полное воссозданное повторение диэнцефалона схапатиху Анг дако Мадбубухат, последней схапатиху правящей сразу в пяти гиалоплазматических Галактиках Ланийкдан, Джиэйсиу, Гёладже, Шокмад, Срынфы.

И хотя Ананта Дэви слышимо усмехнулся, а я, разгораясь гневом, стал медленно подниматься на ноги, послышалась его достаточно ровная, уверенная речь:

– Я вже толковал, НгаКатахум, что у тебя неточная информация, про Праджапати.

Он впрочем, не договорил потому, как я резко ступил вправо, выходя не только из-за его фигуры, но и сходя с узкой полосы, созданной, скорей всего, матками-маскулине и созерцаемой в виде плетения синих нитей, чьи отдельные стыки заполняли почти черные и более плотные бляхи. И тотчас под подошвами моих ног, выплеснувшись вперед, назад, вправо и влево, сформировалась широкая площадка, точно не постоянные по температуре потоки холодного и теплого течения (оние заполняли саму Галактику), хлынув ко мне, образовывали этот плотный участок. Только в данном случае он выглядел в виде переплетенных в трехмерные сети, тончайших, перламутровых нитей, имеющих внутри поперечную исчерченность, которая заворачивалась двойной нитью в двойную спираль, а продольные бороздки, покрывающие их поверхность, местами венчались мельчайшими крохами синего света. И сразу же увидел перед собой пять невысоких гиалоплазматических сознания со слоистой структурой ног, рук, туловища и головы. Слои будучи вязкими, слегка колебались, однако меж ними не имелось тончайших сквозных щелей, словно они прилегали друг к другу много плотней, так как это наблюдалось в случае с ВианикшиДамо. Они также смотрелись черными, и малостью присыпанные серыми, синими, сине-серыми, темно-серыми переливающимися небольшими пятнами. Лишь у стоящей впереди всех матки-маскулине данные пятна были иссера-синего цвета.

– Ты, – грубо дыхнул я, и, также резко вышагивая, подошел к сознанию НгаКатахум, – как смеешь так говорить с его высочеством, – дополнил я, абы гнев мой стал плескаться из меня не только резким шагом, но и громким голосом.

Я стремительно выкинул вперед левую руку и схватив сознание за грудки, не столько пробив слои, сколько попав прямо меж ними, слегка встряхнув его, вновь с той же досадой принялся толковать:

– Ты, запомни! Я не полное воссозданное повторение диэнцефалона схапатиху Анг дако Мадбубухат! Я ее сын! как и сын пятого сурьевича СансарРуевитаПраджапати-джа, чье имя ноне ношу, как титул. И ежели ты в том, сомневаешься, чокашь тупая, я сейчас поглощу твое сознание, дабы было не повадно забывать кто ты, а кто его высочество, Ананта Дэви.

Теперь я резко встряхнул сознание НгаКатахум, так, что ноги ее оторвались от полосы, на которую дотоль опирались и сама она, как-то тягостно сотряслась, а слои внутри фигуры, располагающиеся друг над другом, созерцаемо завибрировали, будто став терять собственную вязкость, превращаясь в жидкость. Однако я не намеревался ее поглощать всего-навсего желал напугать. Посему я еще раз встряхнул НгаКатахум, а, когда ее фигура внезапно принялась терять четкие очертания туловища, шеи и головы, стремительно бросил ее вниз на полосу,

сформированную плетением синих нитей, почитай под ноги другим стоящим в рядок маткам-маскулине, ибо в том месте полоса немного расширилась.

– Никаких там более ваших оскорбительных насмешек в сторону его высочества, Ананта Дэви, ибо я вам не моя мать, не схапятиху Анг дако Мадбубухат, миловать никого не стану, – теперь я, прямо-таки, зарычал, и как мне показалось сама молвь напрочь потеряла звучание струн гуслей, оставив там лишь шумное дыхание. Ровно мое сознание умело с легкостью подстраиваться под то или иное наречие гиалоплазматического языка.

Я легонечко качнул вытянутой в направление сознаний рукой, чувствуя, как перста на ней точно набухли и несколько черных капель с иссера-синим пятнышком (доставшиеся мне от НгаКатахум), качнувшись, моментально всосались в ближайшие длинные, тончайшие нити, повернутые относительно друг друга и образующие из себя кристаллические спирали, низко с глухим рокотанием досказав:

– А днесь все! Все на колени, пред сыном схапятиху Анг дако Мадбубухат! – все еще рыкая и чувствуя, как меня захлестывает гнев, так, что я едва себя сдерживаю, чтобы не напасть на маток-маскулине и не впитать их силой. Впрочем, они, ровно ощущая то мое бешенство торопливо опустили на колени и преклонили головы, а лежащая НгаКатахум лишь переместилась со спины на колени, сильнее других, пригнув то, что ноне у нее больше напоминало расплюснутый корнеплод, а не голову.

– И все! Как сие было допрежь, при моей матери, припадите к моим стопам и отдайте часть себя, дабы я неизменно чувствовал, видел и имел вас в себе, – дословно повторяя то, что когда-то мне толковала ВианикшиДамо. Очевидно, сказанное мной имело особый смысл для них, понеже я увидел, как они все разом вздрогнули, словно я их уже принялся поглощать. А когда я опустил руку и выставил перед ними (слегка даже приподняв) левую ногу, НгаКатахум, так и не поднимаясь с колен, приблизилась и поцеловала меня прямо в перста (ведь большая часть моей стопы, вплоть до лодыжки была сомкнута и переплетена тончайшими золотыми ремешками сандалий), очень тихо молвив:

– О, Господь! Прими от меня подношение, чтобы ты неизменно меня чувствовал, видел и имел в себе.

А после и иные четыре сознания маток-маскулине коснулись моих перст, лишив саму ногу, пожалуй, по подошве и вплоть до пятки чувствительности. Черные же капли с различными пятнышками на них попав в мою левую ногу, и, вовсе стремительно всосались в ближайшие длинные, тончайшие нити, повернутые относительно друг друга и образующие из себя кристаллические спирали. Впрочем я это не увидел, лишь ощутил, поелику во все глаза смотрел на лежащее на боку, и, дотоль загораживаемое фигурами маток-маскулине, сознание, кое не имело ног, рук, туловища и головы, а выглядело бесформенным валуном. Но даже в таком виде оно сохранило не только черный цвет, но и слоистую структуру высокой вязкости, где тончайшие нити пролегающие друг относительно друга, не всегда плотно, являли тонкие, сквозные щели. Мне хватило одного взгляда, чтобы я узнал в сем лишенном фигуре сознании, Адимахань. Того самого сына ВианикшиДамо, оный, когда-то привел меня к ней.

Вот как, оказывается, это действовало...

То самое подношение гиалоплазматических сознаний. Когда всего-навсего единый мой взор моментально выдал информацию кого я вижу... И не столько по каким-то приметным чертам, а просто потому как во мне, уже растворенная часть Адимахань сразу ему откликнулась. Посему я судорожно дернул головой, когда он внезапно заговорил:

– Господь, прошу тебя! Прощу не поглощай меня полностью, абы в таком случае величественная ВианикшиДамо не пощадит мой диэнцефалон, и уничтожит меня, – его мольба сопровождалась высоким звучанием струны гуслей, и единожды раскатистой птичьей трелью «ти-ти-ти», вызывая во мне еще больший гнев, – пощади, абы устычная щель сотворенная ВианикшиДамо распалась и я остался в Галактике Гёладже без возможности вернуться.

Не знаю, зачем он это говорил, просил... ведь на этот момент у меня (так же, как и у него) не было иного пути. И я продолжал слышать напутственные слова моего дорогого главного дхисадажа, сказавшего: «Абы нынче от вас так много зависит, быть может, мириады жизней существ, людей, созданий, как вежаруджановских, так и гиалоплазматических». И я должен был... должен был его поглотить, чтобы показать свою силу, чтобы спасти те мириады жизней.

Потому я срыву шагнул вперед, чувствуя, как некогда испытываемая к Адимахань теплота сменилась на ненависть, оную я мог остановить лишь поглотив его сознание. Ужель так я себя взбудоражил. И тотчас ближайšie матки-маскулине, так и не поднявшиеся на ноги, отклонились в стороны, предоставляя мне проход. Да с той же грубостью, толком не успев приблизиться, я крепко пнул левой ногой в бок лежащего Адимахань, сразу придавив его к поверхности полосы, и жестко процедил:

– Все лазаете по Веж-Аруджану, по гиалоплазматическим Галактикам! Ищите неприятности, вершите беды... Не будет пощады ни тебе, ни ВианикшиДамо!

Еще сиг и моя левая стопа прошла сквозь слои в теле Адимахань, внутри вроде как встряхнув их вверх, вниз. Самая толика того давления и слои внутри фигуры сознания, дотоль располагающиеся друг над другом, неожиданно сотряслись, принявшись терять собственную вязкость, становясь жидкой субстанцией и его содержимое стало на глазах уменьшаться. Адимахань еще кажется вскрикнул:

– Прошу!

Но когда я рыкнул: «Заткнись!» внезапно моему крику (в который я вложил сейчас не столько гнев, сколько страх ребенка) позади меня отозвалось более низкое и продолжительное колебание гиалоплазмы. Так, ровно там кто-то услышал меня, и отозвался беспокойством. И это явственно тревожное участие я принял на свои плечи, сразу поняв, что его выплеснул ни Ананта Дэви, ни прабха стоящие позади, а некто иной, более мощный, масштабный, что ли.

Легкая зябь, которая сотрясала перетекающего и тающего в размерах Адимахань, вдруг стала ощущаться сильнейшей вибрацией в моей левой ноге. Сперва в ее пальцах, засим всей стопе, продвигаясь вверх к колену, в единый морг делая саму ногу тяжело-неподъемной, каменеющей. И также наблюдаемо всасывая внутрь моего сознания смешавшиеся слои Адимахань, каковые сразу формировали дополнительные нити возле кристаллической спирали, делая мою левую конечность еще более плотным каркасом. Я резко придавил, поколь подвластной мне ногой, остатки сознания и они слышимо хлопнув, ворвались внутрь меня, произведя ощутимый толчок. Кой я предполагал, потому не упал, как в прежний раз, а только легошенько качнулся и единожды развернулся вполоборота, теперь увидев и самих коленопреклоненных маток-маскулине, наблюдающих за моими действиями, и замерших Ананта Дэви и Ларса-Уту.

Впрочем, стоило мне только развернуться, как сразу за сурьевичем и прабхой, вельми удаленно, вновь, что-то низко и продолжительно застучало. А мгновением погода в черной с легким перламутровым дымкой гиалоплазме, точно прорезая ее насквозь, проявилась с чуть зримым круглым неровным, серебристым ободком брешь, из нее вырвался фонтанирующий в истоке ярко белый комок, каковой в свой черед плеснул долгий белый луч света. Неровный, и, тут прихваченный по окоему мельчайшими, голубыми крапинками, луч пролился вниз туманным светом, и, в нем проявилась фигура статного, могучего создания, будто ратника, воина облаченного в белую плетенную из мелких металлических колец кольчужную рубаху, прикрывающую туловище и плечи, скрывающую ноги. Этот ратник держал в руке меч, точно опираясь правой ладонью на рукоять, сияющую серебристыми переливами и завершающуюся на конце шишкообразным, рудного цвета набалдашником. Также прекрасно созерцался длинный белый клинок меча, блистающий тонкостью лезвия заточенного с двух сторон. Да только я смотрел не столько на его одежду, и даже не на подобную моей бело-перламутровую кожу... я смотрел на его голову. Абы на треугольно-выпуклой голове воина, без признаков ушей, и, как такового привычного лица, носа, скул, по бокам располагались крупные глазницы, поверх которых,

едва их касаясь, пролегли слегка приподнимающиеся рогообразно-изогнутые костяные выросты, покрытые мельчайшими чешуйками и мелкими волосками. Сами глаза с растянутыми и чуть вскинутыми вверх уголками, в красно-розоватых радужках которых находились поперечно продолговатые, щелевидные с рядом отверстий пурпурные зрачки, сейчас были стянуты в узкую полоску, ровно создание к кому приглядывалось. Вельми, так сказать, повторяющий мои черты, сей проявленный образ в супротив моего имел лишь один рот, расположенный, как и у меня, на месте подбородка, направленный вниз и окаймленный розовыми губами.

Образ того ратника, столь похожего на меня, зримо принялся наполняться белым светом, будто поглощаясь, скрываясь. Да в мале уже лишь его дымчатые остатки срыву свершили небольшой круг, растворяясь и, одновременно, втягиваясь в белый луч света, который ошутимо позвал меня. Я резко перевел взгляд с этого светового потока на Ананта Дэви, который, как и прабха и матки-маскулине обернувшись, наблюдали за ним, и, чувствуя неодолимое влечение к лучу, желая завершить саму встречу, торопливо сказал:

– НгаКатахум хочу дабы ты сообщила, как являющаяся выборно-старшей АнгКоншехо, иным маткам-маскулине, что я, Лан-Эа, пришел править и владеть не только Веж-Аруджаном, но и гиалоплазматическими Галактиками моей матери Анг дако Мадбубухат. И если кто из вас посмеет мне не подчиниться, не признать меня властителем небес и Нитья Веж-Аруджана я уничтожу его как сознание, и как диэнцефалон, воспользовавшись способностями моей матери.

Я смолк и тотчас перевел взгляд на белый луч света, понимая, что как был поглощен образ ратника, и может моего отца, так и я войдя в него узнаю, все секреты, тайны, успокоив собственное волнение и гнев.

– О, Господь! – торопливо отозвалась, разворачиваясь ко мне НгаКатахум, – благодарствую за явленную силу и доверие. Ибо я, как выборно-старшая АнгКоншехо, от имени иных маток-маскулине признаю в тебе сына схапатиху Анг дако Мадбубухат и готова принять твою власть над нашими тремя Галактиками. И также от иных маток-маскулине я готова принести тебе зарок верности в Великом Вече Рас, как только ты того потребуешь, передав тебе, хранимый и скрываемый титул, Бхаскара. Этот титул сберегаемый мною, ВианикшиДамо и НагтубоНга правительниц Галактик Ланийкдан и Джизэйсиу, в свой срок нам троим вручила твоя мать схапатиху Анг дако Мадбубухат. Оный мы, три ее старшие создания, по ее воле должны были передать наследнику схапатиху, каковым без сомнения являешься ты, Господь!

Я, кажется, до конца и не понял, что говорила НгаКатахум, едва выхватив то, что Анг дако Мадбубухат ожидая моего становления, также оставила мне титул, который должен был сосредоточить и саму власть в моих руках. А не понял, потому как частая дробь и вибрация белого луча оглушила меня, и закачавшиеся на поверхности пролитого света голубые капли, словно мигнувшие, прислали мне чьи-то мысли, принятые моими плечами. В коих я ощутил мощнейшую нежность, любовь, заботу, как и горделивость за мои поступки, силу и твердость будущего властителя. И еще я уловил такое острое желание, встретиться, которому не смог противостоять, посему не сводя взгляда с луча, поспешно направился вперед, проходя мимо маток-маскулине, и, негромко выдохнул в сторону Ананта Дэви:

– Ждите меня на Пятнистом Острожке, – сразу сделал глубокий вздох и с тем указал себе оказаться в потоке света. Мне показалось, что крикнул, но вельми приглушенно, не только Камал Джаганатх, но и НгаКатахум, я впрочем, в том не был уверен.

Глава одиннадцатая

Я не был уверен, в том, что Ананта Дэви крикнул, потому как уже в следующий сиг, когда пред моим наблюдением мелькнула черная с перламутровым дымком гиалоплазма, сотворенная согнанными друг к другу мельчайшими разнообразной формы крупинками и нитеобразными каналцами, оказался внутри луча. Оный на самом деле представлял собой вращающийся по кругу дымчатый проход ярко-белого, слепящего глаз сияния. Его рыхлые поверхности, будто сотканые из тонехонких волоконцев, спутываясь, ощутило утягивали меня вниз. Сами нити в том проходе зримо дрожали, переплетаясь меж собой и выпуская в местах стыка новые еще более тонкие паутинки. Дребезжащий звук, скрип и даже свист ударялся по мне, а порой рвущиеся волоконца источали резкое шипение, будто пытаясь меня напугать, и с тем отрываясь, внезапно превращались в золотистые прядки огня, моментально уносясь вверх, и, там словно прижигали, перекручивали меж собой уже сотканное пространство. А сам проход неожиданно завертелся передо мной по спирали, усасывая все быстрее и быстрее вниз, и на золотистых прядках огня внезапно стали мгновенно проявляться лица Ананта Дэви, главного дхисаджа, прабхи, Чё-Линга, Никаля, Дона, созданий, существ не только знакомых мне, но и ранее никогда не виденных. Каковые сигом погода приобрели и вовсе лишь состояние моментальных вспышек. Мне кажется данное верчение взблесков вызвало во мне ощущение безудержности времени, безразмерности самого пространства.

Поелику когда мое падение разом остановилось, я толком не сумел оглядеться, всего-навсего зафиксировал для себя, что сейчас точно выпал из дымчатого прохода в необозримые просторы клубящегося вещества. Данные мощные сгустки, созерцаемо плотных испарений, тучнели и пухли, единожды выпуская из рыхлой, пузырьчатой или слоистой поверхности мощные пары вязких субстанций, где и сами цвета смотрелись в виде тягучей, клейкой материи имеющей в основном багряные тона, иногда и лишь небольшими пятнами замещаясь на алые, розовые, красные, пурпурно-фиолетовые. Впрочем, не сама материя, вещество, субстанция закипающая в том Мироздании привлекло мое внимание, а громадное тело, точнее даже организм. В сравнении, с которым ВианикшиДамо казалась всего-навсего малой крохой. Хотя я, наблюдая этот мощный фиолетово-черный организм, подумал, что вижу только малость, крупинку... а может даже клетку чего-то общего, многогранно-бесконечного и значимо большего. Сам организм имел вид сплюснутого, конусообразного тела с наблюдаемо заостренной нижней частью, одновременно, несколько потянутого влево и вперед верхушкой, с широким основанием, направленным опять вверх и вроде как назад. Поверхность этого колоссального тела покрывало множество вогнутостей, бороздок, ложбинок, вздутий, схожих с нервами, жилами и даже бляшками, местами достаточно плотных, а инолды студенисто-подвижных. Сей организм, как и сама его столь неровная поверхность, легонечко вибрировал, точно, как я порой передергивал плечами. И казалось мне тогда это грандиозное творение, али всего лишь частичка вещества, волнуется: гневаясь или вспять пугаясь.

Внезапно данный организм вздрогнул много сильнее, так-таки, качнув собственными боками или только стенками, и тем однократным дрыгом проложил по ним тончайшие паутинки разрывов. А вторым таким стремительным сотрясением явил на месте паутинок мощные, и, тут пошедшие вдоль и поперек, многочисленные трещины, каковые принялись ломать зримые стенки тела на отдельные части, кромсать их и взламывать саму оболочку, или только преграду. Оболочка еще толком не распалась на части, как раскидывая ее отдельные кусочки в разные стороны, из темных недр тела явилось окутанное ярким белым светом создание. Его каплеобразное тело-голова смотрелось мягко-податливым и несшим вслед за собой три длинных, тонких щупальца (вряд ли это были рука или нога) которые меж собой соединяла сквозная перепонка, вроде плаща.

Создание лишь на миг зависло перед моим наблюдением как-то враз проявив на своей голове-теле множество мельчайших глаз не только схожих с моими, где в красно-розоватых радужках находились поперечно продолговатые, щелевидные с рядом отверстий пурпурные зрачки, не только подобные зоркому очесу Ананта Дэви, где темно-лиловая радужка в форме звезды с многочисленными тонкими лучиками входила в синюю склеру, но и сине-марными и вовсе не имеющих понимания радужки, зрачка аль склеры. А уже в последующий момент оно, затрепетав своими щупальцами, будто расправило меж ними перепонку на поверхности, которой проступили мельчайшие золотые и серебристые символы, знаки, словно увитые тоненькими стеблями, листьями каких-то растений, деревьев, меж коими, и, тут внезапно вспыхивая и сразу потухая, проявлялись различные образы созданий, существ, людей, маток-маскулине, транас, зверей, птиц, рыб, насекомых и вовсе неведомых мне творений. Еще сиг... миг... не более того и создание резко рвануло вверх, в мгновение ока пропав или затерявшись в невообразимых просторах клубящегося багряного вещества. А я вновь и также стремительно провалился в моментально явившийся под ногами моего сознания дымчатый проход ярко-белого, слепящего глаз сияния, рыхлые поверхности которого, сотканые из тоненьких волоконцев, спутываясь, утягивали меня ощутимо вниз.

– Это я! Ты, видел меня, чадо! Меня, Праматерь Галактику, – неожиданно послышался чей-то голос или только я принял на себя эти мысли. – Я показала тебе, мое чадо, как некогда я, Праматерь Галактика, Вселенная, Род разрушив преграды, взломав стенки диэнцефалона обрела себя, как многовариантное сознание... Таким побытом, я сомкнула круговорот жизни и бытия, рождения и смерти. Дабы начать новый этап развития Мироздания в новых формах, видах и структурах.

Я ее не видел, лишь слышал. Ее голосу было сложно подобрать сравнение, абы он звучал весьма приглушенно, с тем полностью погасив дотоль слышимый в проходе дребезжащий звук, скрип и даже свист. Впрочем, передо мной все еще оставались в наблюдении дрожащие, переплетающиеся меж собой и даже рвущиеся волоконца, превращающиеся в золотистые прядки огня, а наполненность ароматом словно только, что прошедшего по мостовой поселения прабхи дождя, притупляло понимание происходящего. И, чтобы не видеть того мерцания, не ощущать запаха и того к чему меня так тянуло, я сомкнул глаза, обоими парами век, сотворив там тьму, да взволнованно спросил, ощутимо шевельнув губами моего сознания:

– Зачем ты хочешь меня убить?

– Да, что ты, чадо мое... – молвила Праматерь Галактика. – Мое несравненное чадо, никому, никогда не позволю тебя убить. Або я всегда рядом, всегда слышу тебя, контролирую, защищаю и люблю. Понеже ты, лишь ты, мое чадо, в мале сможешь вновь сомкнуть круг жизни и бытия, рождения и смерти, таким побытом, продолжив его движение.

– А ответвление... то которое ты явила Камалу Джаганатху? – несогласно спросил я, ощущая как быстрота моего полета увеличилась, ровно еще миг и я окажусь дома... на Пятнистом Острожке.

– Сие ответвление не касается тебя, мое чадо, – ответила Праматерь Галактика и мне почудилось, кто-то вроде огладил меня по голове, поцеловал в плечи и сомкнутые глаза. – Оно было явлено для СансарСветовидФлинца. Дабы он действовал в тех пределах, каковые ему оставил СансарРуевитПраджапати-джа. Дабы он понимал, как ты бесценен и важен для всего живого и неживого во Вселенной. Дабы он не смел лишать тебя власти, сосредотачивая ее в собственных руках. Ибо СансарСветовидФлинц был воссоздан токмо для твоего становления, взросления и не более того...

Праматерь Галактика не столько даже смолкла, прервалась, сколько звучание ее говора слегка удалилось. Ибо я подумав о Пятнистом Острожке, столь сильно захотел увидеть Ананта Дэви, ощутив за него такое огорчение, что тотчас почувствовал резкий рывок вправо. Я, было, даже открыл глаза, стараясь понять, что случилось, но супротив света прохода, гиалоплазмы

или газовой составляющей Веж-Аруджана увидел лишь тьму и потерял самого себя в ней. А слух мой застлал свистящий звон, точно меня хорошенько треснули по голове. Движение, падение, полет моего сознания ощутимо прекратился, будто я завис или только вошел в тело, столь мягко того даже не почувствовав. А уже в следующий момент услышал отрывистый с хрипотцой, наполненный ощутимой авторитарностью, голос главного дхисаджа, сказавшего, точнее даже крикнувшего:

– Внимание, ситуация паритарж! Всем покинуть чертоги, сомкнуть купол, зафиксировать состояние тела Праджапати...

И хотя этот крик Ковин Купав Куна все еще заглушал свистящий звон, я сразу понял, что мое сознание вошло в тело и тем вызвало в прахар полосах состояние сеяние вируса, который жаждал лишь одного убить, уничтожить все живое, действуя, как чуждое в первую очередь моим мыслям и желаниям. И хотя я не чувствовал собственное тело и поколь даже не мог открыть глаза, я приказал... Приказал собственным сознанием (которое напоминало пространственно-временную тень, являющейся частью диэнцефалона-тела в виде структурно-функциональной сети) собственному телу и диэнцефалону в одном лице свернуть всякое сеяние вируса и замереть.

И, пожалуй, сразу, стоило только мне сие приказать, я ощутил свое тело. Я ощутил его полностью, каждую паутинную бороздку, сосудик, тоненький отросток, извилину, щель и отверстие, кои заполняли жидкость и газ, как и гиалоплазматическую свою суть собранную из волокнистых, спирально-витых круглых или овально вытянутых крошечных образований. Тело мое внезапно сотряслось, а после словно подлетев вверх, уже резко с ощутимы рывком упало вниз, на, что-то очень... очень жесткое, посему и вызвавшее еще большую тьму, закурившуюся, завертевшуюся перед глазами.

Вместе с тем та самая тьма, как и удар моего тела, вроде лишили меня восприятия, впрочем не надолго. А когда оно, так-таки, вернулось, первое, что я услышал это очень тихие переговоры, где кто-то кому-то сказал:

– Вы, Дон, как были охраной Праджапати, так и останетесь. Ничего неизменно, и о сем не стоит паче толковать. Убежден, что для первой рати берсерков нет почетнее обязанности, чем стать охраной самого Бхаскара Праджапати. А Чё-Линг... сие просто прихоть Праджапати, не надобно о сем даже и тревожиться... Одначе вашими советами я, всенепременно, воспользуюсь и все надлежащие беседы с Чё-Лингом проведу...

Мне показалось, что это говорил Ананта Дэви, но я не был в том уверен. Понеже как-то разком данное толкование прервалось, замесившись звуками лесной дали, где к раскатистому «чиу-чиу», «так-так» и «воу-воу», добавился скрип, хруст, шорох, поддерживаемый раздольным рокотанием океана. Но лишь затем, чтобы вмаде вновь сменится на голос главного дхисаджа весьма недовольно молвившего:

– Ему необходим отдых. Он еще дитя, ваше высочество, и то, чему себя подверг, дабы обезопасить нас может весьма неблагоприятно сказаться на его состоянии в общем.

– Отдохнет в Тарх системе, на Садхане в своем тереме, покамест есть веремья. Не тока до принятия власти, но и посля того, – отозвался своим низким басом, с большой глубиной и полнотой звучания Ананта Дэви.

– Уже все устроено, – явно дополнил, поддержав его амирнарх, ибо его высокий с легким дребезжанием голос не с кем было невозможно спутать.

– Вы же понимаете, Ковин, что принятие власти для нашего уникального мальчика, всего-навсе проформа, не более того, каковая необходима, чтобы на нашу сторону перешли АнгКоншехо с матками-маскулине, – продолжил все также низко и вельми раскатисто, словно лениво Камал Джаганатх. – Все останется, как и было допрежь... Решения будем принимать коллегиально, я, амирнарх, вы и Врагоч. А мальчик будет взрослеть, и, набираться сил, способностей, – дополнил он.

И ежели бы я мог... то, непременно, засмеялся. Так как понял, о чем толковала Пра-матерь Галактика. Ибо к той самой власти в Веж-Аруджане Ананта Дэви не собирался меня допускать, и тем, пожалуй, рассердил Праматерь Галактику. Поелику тут оказалось не соответствие планов Камала Джаганатха и Праматери Галактики на меня... Интересно только стало в данной ситуации следующее – план кого из тех двоих совпадал с замыслами моего отца.

– Я категорично высказываюсь, что Праджапати днесь нельзя тревожить и перемещать. Он должен очнуться на Пятнистом Острожке, пройти обследование на гвотаке и лишь засим ему можно будет отправляться в Тарх систему. Або его диэнцефалон содеял невероятное, в отсутствие слаженности с сознанием, мальчику удалось втянуть в прахар полосы дотоль начавший сеяться вирус, – весьма придлинно, как это любил делать, вновь заговорил Ковин Купав Кун с ошутимым нажимом на властность собственного голоса. – Ежели бы не столь горячее желание Праджапати уберечь нас, неизвестно...

– Все! – не дав договорить тарховичу, слышимо жестко прервал его Ананта Дэви, – сворачиваем дискуссию и поднесь вылетаем. Наше уникальное дитя будет почивать в полете и наберется сил по прилету в Тарх системе. По договоренности с матками-маскулине у нас трое суток. Сие все, что я сумел согласовать с ними опосля столь резкого ухода Праджапати.

– А ежели его великолепие не очнется в те трое суток? – несогласно спросил главный дхисадж и мне сейчас захотелось его обнять и поцеловать, уж таким он был заботливым в отношении меня.

– Тогда попробуем перенести дату принятия власти, – неуверенно протянул Раджумкар Анга Змидра Тарх.

Но тут его перебил Камал Джаганатх, сначала фыркнув, а после со слышимым раздражением добавив:

– Толды, вы, Ковин перестанете снабжать его диэнцефалон снотворным, и, мальчик просто проснется. Все! Толкование завершено...

Завершилось, похоже, не только толкование, но выключился и сам звук, точно все дотоль бывшие около меня ушли или только (прав был Ананта Дэви) до меня вновь дотронулся Никаль, впрыснув снотворное, понеже я и уснул.

Глава двенадцатая

Проснувшись, и увидев над собой волнообразную поверхность матового, голубого фона, каковой испещряли сине-фиолетовые, серебристые нити, усеянные мельчайшими и тут разноцветными крохами света, я перво-наперво подумал, что подобно моему титулу нахожусь, где-то в небесах, а может даже за гранью его. И лежу на спине на рыхлом и мягком облаке или огромной туманности газа, вряд ли гиалоплазме. Впрочем, понимание того, что надо мной лишь матерчатый купол, и сам я покоюсь явственно на ложе, подвергло меня к тому, что я сел. И тотчас внимательно огляделся, абы и впрямь досель возлежал на широком четырехугольном одре, застеленном белой бархатной материей, на котором покоилось до десятка овально-вытянутых небольших и мягких валов. Две деревянные белые спинки ложа были украшены витиеватой резьбой и ярко белыми, голубыми и фиолетовыми драгоценными камнями, стыки оных инкрустированы серебристо-белыми с голубоватым отливом полосами из граивейя. На четырех, белых, ровных столбах поместившихся по углам спального места, и увитых сверху тонкими серебряными стебельками с только, что распустившимися тончайшими листочками наблюдалась установленная кровля из нежной двухлицевой ткани, где на матовом, голубом фоне сине-фиолетовые, серебристые нити усеивали мельчайшие, разноцветные крохи света. Столбы, укрепленные меж собой брусьями, дополнительно венчались округлыми луковками из розово-фиолетового агаркашта.

И хотя сам просмотр скрывали спускающиеся с вершин брусьев, по четыре стороны от самого ложа, сине-голубые, матерчатые, шелковые завесы, по краю расшитые агаркаштом и граивейям, я видел, что нахожусь в прямоугольной и очень большой комнате. Она имела высокий сводчатый потолок, украшенный дивной золотой резьбой, где переплетались отростки, побеги растений, ветви деревьев, увенчанных лопастными листьями и многолепестковыми цветами. На ровном полу, во всю комнату лежало мохнатое высоковорсистое перламутрово-белое полотно. Сами же три стены (ибо одна из них отсутствовала, очевидно, предоставляя возможность наблюдать происходящее вне помещения) были обтянуты белоперламутровой тяжелой тканью с выполненными на них растительными узорами из серебряных нитей с добавлением разнообразных по оттенку драгоценных камней, в виде длинных витых стеблей и крупных, пышных цветов. Двухстворчатые, широкие двери с арочным навершием, находящиеся напротив отсутствующей стены были также богато инкрустированы резьбой и самоцветными камнями.

В комнате располагались, напротив ложа, два широких голубых кожаных кресла с высокими округлыми по вершине спинками и вычурно загнутыми белыми подлокотниками. Возле которых стояли три невысоких прозрачно-белых треугольных столика, по рубежу ограненных узкими бортиками из розово-фиолетового граивейя, на коих поместились пузатые и точно плетенные из золтых веточек ковши полные живых цветов, и, тут крупных нежно-сиреневых метельчато-ветвящихся соцветий.

На одном из кресел сидел главный дхисадж, в своем, так сказать, рабочем варианте одежды. А именно в укороченной золотистой тельнице, имеющей прямой в виде стоечки ворот и разрез посередине груди, где длинные рукава, собранные в мельчайшие складки, завершались запястьями из серебристо-белого с голубоватым отливом граивейя, да черные штаны, плотно облегающие сами ноги, доходящие до щиколотки, по краю украшенные золтыми тонкими полосами в тон сандалиям. Он облокотился правым локтем об подлокотник, подпер длинными четырьмя пальцами свой подбородок и смотрел куда-то вниз, точно созерцал, что-то на полу.

Я, впрочем, не сразу его окликнул, сначала шевельнув плечами, оглядел свое тело, едва прикрытое тончайшей до колена белой рубахой, чрез которую просматривалась не только

моя бело-перламутровая кожа, но и черные прахар полосы, а после внезапно ощутил тяжесть в левой ноге, точнее даже стопе и перстах. Поелику сразу попытался ими шевельнуть, но не смог. Ибо пальцы, как и стопа, и лодыжка до середины были наполнены тугим давлением, или окаменением, посему испуганно вскрикнул:

– Пречистый гуру!

И тотчас Ковин Купав Кун вскочил с кресла, а поднявшиеся вверх завесы впустили внутрь спального места насыщенный бело-желтоватый свет, вельми такой лучистый.

– Что случилось, мое милое дитя? – беспокойно протянул главный дхисадж, и, зайдя по правую сторону от ложа, ласково оглядел меня.

– Я не чувствую левую ногу, пальцы, стопу, – поспешно пояснил я и едва согнув упомянутую ногу подтянул к себе, да принялся ощупывать кожу и прахар полосы на ней.

– Т-сс, Лан-Эа, – молвил он в ответ тем не только меня успокаивая, но и высказывая всю трепетность своих чувств. – Сие не до конца в вашей сути растворилось втянутое вашим сознанием гиалоплазматическое сознание. Вы же помните, для того надобно время, – дополнил тархович и медленно опустившись на ложе сел подле, а потом приобняв меня за спину, привлек к себе и прижал к груди. – Энто временное состояние, вмале все стабилизируется, вы только не волнуйтесь, або я вас часом назад осматривал в Научном Ведомстве Садханы, с вашим диэнцефалоном все благополучно, – он так говорил, с очевидностью, стараясь меня поддержать, успокоить, и я чувствовал на себе его любовь... Любовь отца к сыну, которого ему хоть и не удалось родить, создать, но было дано взрастить.

– Благодарю, пречистый гуру, ты самый лучший, люблю тебя больше всех, – с той же нежностью откликнулся я и слегка развернув голову поцеловал через материю тельницы его в грудь, – я так благодарен тебе за заботу, за то, что ты меня всегда защищаешь и отстаиваешь.

Главный дхисадж, впрочем, не отозвался. Понеже наши чувства были взаимны, и я любил его, как отца, ценил выше прабхи и Ананта Дэви. Я понимал, что мне надо поговорить с Камалом Джаганатхом и пояснить почему так резко ушел со встречи с матками-маскулине, рассказать ему о том, что видел в том проходе и слышал от Праматери Галактики. Не только, чтобы высказаться, получить поддержку, но и самому удержать сурьевича от неправильных поступков, оные сердили Праматерь Галактику.

Однако мне также не хотелось таиться пред Ковин Купав Куном... Я не знал толком поведал ли ему Ананта Дэви о Праматери Галактике и ответвлении которое она создала, ведь он в свой срок просил меня о том поколь не распространяться. Но сейчас, тут вдвоем, я ощущал особую потребность доверится главному дхисаджу, и полагая его своим отцом, не мог, да и не хотел ничего от него утаивать, посему и начав издали, молвил:

– Я слышал ваш разговор... Ваш, Ананта Дэви и амирнарха, знаю, что вы хотели оставить меня на Пятнистом Острожке, но Камал Джаганатх решил по-другому, – я прервался предоставляя возможность, что-либо сказать ему, но он лишь крепче прижал меня к себе и с нежностью прошелся рукой по левой ноге, распрямляя ее. – Мне надобно с ним поговорить, ибо случилось нечто такое... он должен о том ведать, – прерывисто добавил я.

– Куда вы улетели со встречи с матками-маскулине, мое милое дитя? – наконец подал голос Ковин Купав Кун и тот у него так дрогнул, как и сам он весь, едва справляясь с волнением, точно сей миг я его покинул... да не просто так, а ровно оставив на погибель.

– Я встретился с Праматерью Галактикой, ибо она меня позвала в том луче света, – заговорил я и тархович сразу замер, вероятно, уже был обо всем осведомлен от сурьевича. – Она, оказывается, не хочет моей смерти, а вспять всегда слышит меня, контролирует, защищает и даже любит. Мне показалось, она была горда тем, что я так грубил маткам-маскулине и поглотил сознание Адимахань. Но, я знаете пречистый гуру... я был так тогда раздражен... будто сам себе не принадлежал.

Я вновь смолк... Да, главному дхисаджу и не было надобности читать мои мысли сейчас. Так как я оказался предельно с ним откровенен, ведь это его мудрость и поддержка создали такие доверительные отношения между нами. И уж если говорить открыто:

– Никогда не хочу с вами расставаться, – все-таки сказал я. Ибо это должен был озвучить ему еще на Пятнистом Острожке, когда просил Ананта Дэви, чтобы в Тарх систему меня сопровождали прабха и Ковин Купав Кун. И сказать это я должен был не столько даже для него, сколько для себя, признавшись, что жить вдали от главного дхисаджа мне будет тяжелее, чем от Ларса-Уту.

– Благодарю, мое милое, дорогое дитя, – произнес Ковин Купав Кун с неизменной мягкостью своего отрывистого с хрипотцой голоса, из одного при общении со мной всегда убирал всякую авторитарность и властность. – Почему же вы подумали, что сие была Праматерь Галактика, возможно лишь проекция. Ананта Дэви пояснил, что в сверхмощном объекте, кой вы наблюдали в Галактике Гёладже, наблюдалась проекция образа вашего отца, СансарРувевитаПраджапати-джа, – тархович, кажется, и не задавал вопрос, лишь интересовался моим мнением, и я почувствовал, как он взволнован моей откровенностью и нежностью к нему.

– Я вам это покажу, пречистый гуру, – проронил я в ответ, и слегка отстранившись от него, единожды развернулся, чтобы наблюдать его лицо перед собой. Теперь он не был в состоянии считывать мои мысли, но коль я желал, мог передать ему мною виденное, пережитое, в точности и яркости воссоздавая те фрагменты в его диэнцефалоне. И для того, мне всего-навсего стоило проявить в том желание, послать, так сказать, в зоркий очес тарховича свои мысли. Однако сперва, я тягостно качнул головой, потому как плещущиеся во множестве из светящегося ореола, охватывающего его темно-голубую кожу, тончайшие струи света, отвлекали меня, собственным количеством и рябью. Я даже стремительно сомкнул и разомкнул веки и лишь после уставился в третий глаз во лбу Ковин Купав Куна, где возле синеголубых лучиков звездочки-радужки слегка закурилась красная поволока склеры. Склера сейчас стала не просто краснеть, а прям наполняться фиолетовым сиянием, и курится много сильнее. Еще чуточку и она за клубилась пурпуром, слегка прикрывая своим цветом лучики звездочки-радужки, кажется, тоже самую толику двинувшиеся по кругу. Главный дхисадж внезапно и вельми резко дернул головой, ровно вырывая из хватки моего взгляда свой зоркий очес. А после и вовсе отвернув от меня голову и взор, сомкнул все три глаза. И тотчас не только сам весь легошенько сотрясся, но и затрепетали росшие на его голове голубовато-розовые перья с красными полосами по поверхности и бело-розовой аурой сияния на кончиках.

Мне показалось даже, что Ковин Купав Кун качнулся назад вперед от принятой информации, и широко открыв рот, судорожно вздохнул, а ощутимо, все еще придерживающая меня под спину, его левая рука завибрировала. А когда тархович, так-таки, открыл очи, и, вернув в исходное положение голову, взглянул на меня, срывающимся на волнение голосом молвил:

– Почему Праматерь Галактика величала вас чадом? – спросил он таким тоном, будто лишь я и мог только это пояснить. Но я не мог. Ибо и сам не понимал почему она так трепетно относилась ко мне и столь жестко к Камалу Джаганатху. Я жаждал услышать ответ на данный вопрос от самого главного дхисаджа или Ананта Дэви, посему только отрицательно закачал головой в ответ.

– Как я понял, Праматерь Галактика гневаясь на поступки его высочество, явила новое ответвление, – отметил Ковин Купав Кун весьма задумчиво и тихо, – и она не желает формальности вашей власти. Або ее замыслы инакие, по всему вероятно, они не согласуются с теми кои выстраивает Ананта Дэви и замышлял ваш отец, – добавил тархович вслух, видимо, сказывая лишь собственные размышления.

– Я не хочу этой власти, не хочу править Нитья Веж-Аруджаном, – торопливо откликнулся я, и вновь не согласно затряс головой, – хочу, как прежде жить с вами и прабхой на Пятнистом Острожке.

– О, мое милое дитя, – произнес главный дхисадж и вновь привлек меня к своей груди, нежно поцеловав в голову. – Мы уже в Тарх системе, на планете Садхана, на одном из ее трех континентов Зара, в вашем тереме, куды прибыли нынче поутру. И я уверен, ваше великолепие, вам не стоит суетиться в собственных желаниях. Поелику то, что Праматерь Галактика вступила с вами в общение и вы, обладая сравнительно малым размером, сумели ее понять. Сие явственно указывает на то, что вы даже более значимое творение, чем мы все до сего момента полагали.

Глава тринадцатая

Скорей всего, мой терем располагался на скалистом утесе, цвет которого наблюдался зеленовато-бурым. Не имеющий какой-либо растительности он слегка загоразивал своим одним более вытянуто-дугообразным краем, лежащую внизу долину. Структура того утеса живописала разнородные по толщине каменные пласты, плотно наложенные друг на друга и, одновременно, покрытые шероховатыми выемками, бороздками, да обрывистыми сеченами, по рубежу порой поражая взор и вовсе обтесано-рваными гранями. С его вершины (зримо в отношении моего терема) вниз срывался большим потоком водопад, чей тон воды можно было сравнить с сияющим бело-серебристым, а курящаяся возле него дымка, создавая наблюдаемую кривизну, переливала в себе еще и голубые, желтые полосы. Под тем мощным ниспадающим потоком воды каменная поверхность изгибалась вглубь утеса и лежала продолговатыми трещинами, создающими множественные выемки, выступы, террасы, заусенцы, отдельные островерхние зубцы аль все же ступени.

Просматривался и сам серый небесный купол планеты Садханы по которому ровно протянулись желто-розовые полосы, особенно ярко виднеющиеся в местах стыка с лучами звезд. Тара и Лакшми располагались на небосводе на одном уровне. Хотя первая звезда по размерам в четверть превосходила вторую, а их белые диски, охваченные ярко желтым ореолом сияния, распространяемого во все стороны, делали более видимыми пять мелких свинцово-серых круглых пятнышка, таким побытом, проступающих соседних планет.

Я сидел на ближайшем к стене широком кресле, сидение которого выдвинулось вперед, а само оно развернулось так, чтобы можно было наблюдать вид за окном... точнее за стеной. В этом месте не имелось никаких преград, и даже отсутствовал какой-нибудь купол. Обаче, мне казалось, Ковин Купав Кун толкуя о том, все-таки не до конца стал откровенен, ведь капли воды, просыпающиеся с водопада, не залетали ко мне в комнату, не оседали парами на мохнатом полотнище пола. Вместе с тем ощущалась прохлада и свежесть самой воды. Стоявшие возле моего кресла два из трех невысоких треугольных столика прозрачно-белых, по рубежу ограненных узкими бортиками из розово-фиолетового граивейя, опять же слегка развернулись. И поместившиеся на них пузатые и точно плетенные из золтых веточек ковши, полные живых цветов и тут крупных нежно-сиреневых метельчато-ветвящихся соцветий, кои тархович указал, как румянки, дышали на меня сладостью, вызывая ощутимый голод.

Впрочем, я поколь старался воздержаться от еды, хотя главный дхисадж и настаивал, толкуя, что более полутора суток, согласно времени Тарх системы, я, находясь в лечебной капсуле, ничем не питался. Но я желал перво-наперво потолковать с Ананта Дэви и тархович уступил. Посему, когда Ковин Купав Кун ушел вызвать Камала Джаганатха, абы он не был в моем тереме, а находился в гостях у амирнарха (как я понял, сравнительно недалеко) Никаль принялся меня переодевать. Он, облачив меня в ярко голубое нави, которое скрывало грудь и, подобно юбке, мои ноги, также одним концом прикрывало левую руку до локтя, перенес меня в кресло, сам же заняв место позади него, почитай возле стены.

– Как прекрасно! – протянул я, наблюдая падающую вниз воду, не только проливающуюся потоком, но и летящую каждой отдельной каплей. И тотчас спустил вниз, с вытянутого сидения кресла, левую ногу, пытаюсь на нее опереться, в надежде, что она мне все же подчинится.

– Не надобно сего творить, ваше великолепие, – тотчас раздался позади меня голос главного дхисаджа и я торопливо обернувшись, увидел, как он вошел через раскрытые створки дверей в опочивальню. – Коль вы малостью наберетесь терпения, убежден, спустя пару часов станете чувствовать ногу, – добавил он, и, подойдя ко мне ближе, перегородил своей фигурой сам дверной проем, хотя я, итак, понял, что створки поколь не сомкнулись.

– Почему это и вообще со мной происходит? – спросил я тарховича. Поелику сей вопрос меня всегда интересовал, так как мне все время казалось, я, поглощая сознания, что-то делаю неправильно. И тотчас подняв голову, воззрился в лицо Ковин Купав Куна приметив растянувшиеся в улыбке его вишневые губы.

– Слишком много и скоро вы, Лан-Эа, поглотили сознаний, не только жертвенного, но и взятого силой. Да и поглощать вы их, как мне видится, должны по другому, – отозвался, впрочем, не главный дхисадж, а сам Ананта Дэви, вошедший в мою комнату, верно, потому и не закрылась дотоль дверь. Абы стоило Камалу Джаганатху вступить в помещение, как створки дверей принялись медленно сходиться промеж друг друга.

– Как же надо? – вместо приветствия откликнулся я вопросом. Смещая свой взгляд с лица Ковин Купав Куна на медленно ступающего мимо меня, в направлении отсутствующей стены, сурьевича, ноне непривычно одетого в серебристое одеяние, напоминающее ормяк, который носил, как домашние вещи прабха, только тут без рукавов, капюшона и пояса. Он пришел не обутый, зачастую предпочитая именно так ходить, тем указывая, что находясь у амирнарха в гостях, ни чем себя не обременял.

– Надо думать, как и положено есть, кушать, поглощать, – пояснил Ананта Дэви и голос его прозвучал очень тихо, – ртом, – досказал он. И я понял, что главный дхисадж так долго отсутствующий, скорей всего, все ему уже поведал о произошедшем со мной. Тем избавив меня от очередного волнительного рассказа. Камал Джаганатх медленно дошел до зримого края пола так, что мне почудилось, он желал ступить вперед и упасть (вряд ли улететь) с сей высоты в долину, но не стал это демонстрировать при мне. Вспять тому неподвижно замер, вглядываясь в проливающий свои бело-серебристые воды водопад. И я вдруг увидел, как заплескалось в нем волнение, оное тягучими золотыми нитями света, вырывалось из его медно-серебристой кожи, кружась возле оранжевого сияния и с тем подавляя али впитывая плывущий там досель желтоватый дымок. Я тотчас шевельнул перстами, желая подцепить одну из нитей, но вспять того ее внезапно закрутило на месте движения. А я неожиданно ощутил такую горечь, хлестнувшей вибрацией по моим плечам, каковую испытывал в этот миг Ананта Дэви, сдобренную потерями, утратами очень близких, дорогих ему созданий, наполненную вечным желанием заглянуть в ушедшее, без какой-либо надежды, возможности там, что-нибудь поправить, изменить, повлиять. Это было ощущение невозвратности времени, налитое тоской, болью, безысходностью, которую Камал Джаганатх всегда испытывал, всегда ощущал, и жил с ней. Жил с чувством болезненной острой потери в понимании причинности самого движения, хода жизни, существования всего этого Мироздания, Вселенной, Космоса. Посему приняв сие на себя и не в силах выдержать такую мощную чувственную вибрацию в плечах, я горько и громко закричал, глядя в спину сурьевича:

– Прекратите! Прекратите Камал Джаганатх так думать, чувствовать! Разве я виноват в ваших потерях, в том, что сам являюсь заложником желаний моего отца и Праматери Галактики? Почто вы себя и меня этой болью изводите? Думаете, да, мне нужна эта власть!? Нет! – я, прямо-таки, задохнулся от переживаний, ощутив, как тягостно завибрировала кожа на спине, и стоящий рядом главный дхисадж, ухватил меня за плечи и легошенько встряхнул, давая возможность прийти в себя. А после и вовсе потянув, прислонил меня к ослону кресла, посему я прикрыл глаза, и много тише досказал:

– Нет! Мне не нужна власть. Но я понимаю, Праматерь Галактика думает иначе, хочет иначе, не считаясь с моим и вашим мнением. Впрочем, я не буду против принять для себя виденное вами ответвление... – я не закончил, ведь голос мой дрогнул. Не то, чтобы я не хотел жить... просто стало так обидно за себя... Толком и ничего не имевшего, большую часть жизни прожившего в голоде, нужде, лишь на чуточку передохнувшего и опять вогнанного в какие-то цепки.

– Мое милое дитя, – протянул Ковин Купав Кун и попытался меня обнять, но я лишь яростно дернул плечами... Не давая ему меня обогреть...

А миг спустя услышал не менее беспокойный шаг сурьевича и его задрожавший низкий голос молвил:

– Мой уникальный мальчик, дитя, мой поразительный абхиджату, – одновременно, он, шумно дыхнув, подпел себе струнами гуслей, видимо, не менее ласкательно сказав обо мне на гиалоплазматическом языке, так как говорить со мной мог только он, выражая всю свою любовь. – Умоляю вас, тока не отгораживайтесь от меня, не полагайте меня своим недоброжелателем, – добавил Ананта Дэви и явственно присев подле моих ног справа на сидение, протянув руки, обнял и привлек меня к себе. – Ведали бы вы, как мне дороги, являясь моей частью, сутью меня, – дошептал он мне в голову, поцеловав в лоб. Да тотчас ошутимо задрожал, так точно пустил в меня всю испытываемую им ко мне любовь, заботу, тревогу. И я моментально уловил, что он не просто никогда не стремился к власти в Веж-Аруджане, а вспять того всегда ее боялся. Но поставленный моим отцом в выстроенное ради меня будущее ничего с происходящим не мог сделать, иначе и очевидно не раз пытался...

Эта пышущая откровенность с ранее испытанными сурьевичем переживаниями об ушедшем теперь телесно вызвали и во мне легкую дрожь и вибрацию сразу кожи и прахар полос... А после и тут как-то разом явившийся изнутри холодок на моей коже принялся распространяться и на прахар полосы, и с тем остужать мое волнение делая меня предельно спокойным, невозмутимым к панике, одновременно, сковывая и саму вибрацию.

– Голубчик, мой дражайший голубчик, – очень мягко продолжил толковать Камал Джаганатх. – Я выполню все, что указывает Праматерь Галактика, подчинюсь ей, або не могу рисковать вами, не могу позволить себе потерять вас. Понеже все допрежь мною выстраиваемое было содеяно, дабы вы стали полноценным властителем небес, вы стали БхаскараПраджапати-джа.

И я понял, что он все-таки все время старался выстроить собственные замыслы, быть может, порой, нарушая планы моего отца. Впрочем, он так говорил, точно просил меня, и я подвластный его молви, отворил очи, да слегка склонившись, поцеловал его в грудь. Ананта Дэви лишь крепче прижал меня к себе и не менее трепетным поцелуем ответив, приголубил мой лоб.

– Я знаю, понимаю, что вы хотите мне блага, – теперь я и отозвался, да легонечко отстранившись от него, воззрился ему в лицо. Непроизвольно пройдясь по зоркому очесу, в его лбу, обрамленному вывернутыми веками (с полупрозрачным розового отлива верхним и более кожистым нижним), где темно-лиловая радужка в форме звезды с многочисленными тонкими лучиками слегка закурилась в синей склере. Еще сиг и склера, так-таки, почернела, наполнившись марным отливом и закружилась сильней, прикрывая своим цветом, лучики звездочки-радужки, кажется, тоже самую толику двинувшиеся по кругу. И тотчас меж его зорким очесом и моими глазами проявилось толстое и яркое в своем бело-серебристом свечении звездное скопление по форме напоминающее диск. Эта и, очевидно, мощная туманность, наполненная межзвездным газом, магнитными полями, пылью имела тонковолокнистую структуру и непостоянный окрас, будто являлась каким-то истоком, началом рождения.

– Что это? – едва дыхнул я вопрос, когда туманность пропала, а сам Ананта Дэви сомкнул сразу все три глаза, тем самым и разрушив нашу связь. Впрочем, он тотчас заговорил и голос его звучал то высоко, то вспять низко, наверно, сурьевич старался справиться с волнением:

– Это все, что осталось от моего старшего брата, девятого сурьевича СансараРудраАгни, вечного, мужского источника творящего стихии природы. Внегда я сомкнул в коло нить времени, дабы в грядущем меня не воссоздали из оставленного материала. Вдобавок того на малом узелке данного коло Врагоч должен был вывести в высокоразвитые расы существ джан, проживающих на планете Ладодя, системы Та-уи, кои несли в себе информационные коды СансараРудраАгни. Обаче мои дети Раджум, Ковин и Врагоч распорядились инаково, позволив

подняться в высокоразвитые расы людоящерам... И долгое веремья я полагал, что измененное моими сынами грядущее, мое возрождение токмо ошибка. Одначе сие не так, або не я слагал будущее, а ваш отец, Лан-Эа, – он смолк и края его рта зримо задрожали, видимо, все о чем он сейчас говорил, оказалось весьма для него болезненно. Впрочем, с тем Камал Джаганатх не ответил на основной мой вопрос, понеже я тотчас его и задал:

– Почему тогда я увидел останки СансараРудраАгни? И вы, и я сразу?

– Мы были с ним, с СансаромРудраАгни предельно близки, – отозвался Ананта Дэви опять как-то пространственно, и с тем стремительно поднялся на ноги с кресла, точно стараясь скрыть от меня свои переживания, а может и сами мысли. – И инолды, глядя на вас, я вижу, будто принимая вспышками фантазмагорий, сей фрагмент. Должно стать, эвонто последний фрагмент существования СансараРудраАгни, осознания его как себя, а вже в ближайший сиг свершилось его окончательно рассеивания, исчезновение, марана... Почему я это вижу, глядя на вас и почему ноне вы смогли сие принять, мне не ведомо... – дополнил он и смолк. Однако мне почудилось сурьевич бы не до конца со мной откровенен. И в том, не столько совершая это во вред мне, сколько всего-навсего пытаюсь защитить, уберечь от лишнего волнения. И сразу стоило ему прервать беседу, он протянул руку и нежно приголубил меня, пройдясь дланью по голове. Так, ровно ждал чего-то или хотел спросить, выжидая моего внимания. Посему я, также поспешно вскинул взгляд, уставившись на него, единожды, приметив его сильнейшее волнение, которое отражалось колебанием в двух серебристых придатках (вылезающих из макушки головы сурьевича и спаивающихся с височно-нижнечелюстными суставами) тончайшей, плетеной сети из голубо-черных нитей, да плесканием золотых нитей из охваченной ореолом света медно-серебристой кожи (сверху покрытой прозрачной слизью), прямо из исторгающегося оранжевого сияния и ровно желтовато-закручивающегося дымка.

– Хотел уточнить, Лан-Эа, – произнес Камал Джаганатх таким извиняющимся тоном, что мне стало его жалко. Абы Праматерь Галактика лишь единым своим движением сделала своего сына СансарСветовидФлинца подвластным мне. – Будете ли вы в состоянии и желании завтра принять статус и власть Нитья Веж-Аруджана?

– Может быть мы, ваше высочество, подождем, когда у его великолепия восстановится чувствительность ноги? – весьма недовольно откликнулся вопросом главный дхисадж, стоящий слева от моего кресла и все время нашего с сурьевичем разговора не проронивший ни слова.

Ананта Дэви самую толику повел глазами в направлении Ковин Купав Куна не то, чтобы, ни желая прислушаться к его советам, просто сейчас и весьма демонстративно оставляя ответ за мной. И коль правдиво, пугая меня такой покорностью...

– Даже не знаю, – протянул я и легонечко передернул плечами, жаждая сейчас, чтобы за меня приняли решение. – А вы, как думаете Камал Джаганатх? – все-таки вывернулся я вопросом, и увидел, как он улыбнулся, не только изогнув нижний край рта, но и проложив по верхнему краю вплоть до ноздрей тонкие морщинки.

– Ну, раз вы не уверены в собственном решении и силах, толды доверимся знаниям голубчика, Ковина. И отложим сие решение до вечера, ежели вам, Лан-Эа, таковое будет удобно, – сказал он, вновь демонстрируя свою мудрость не просто создания, а самого творца. И я, тотчас радостно улыбнувшись, кивнул, соглашаясь с его мнением, ощущая его поддержку, помощь и понимая, что Праматерь Галактика не права. Ибо Ананта Дэви был воссоздан не только для моего становления, взросления... он словно был моей необходимой частью, опорой без которой я ничего не значу. Без которой я бы так и оставался зверем, продолжающим бороться за жизнь, вставать на лапы и подниматься с них лишь по причине внедренных инстинктов.

– Благодарю, голубчик за столь высокое мнение обо мне, вы вельми трепетны, – нежно ответил Камал Джаганатх, с вероятностью, приняв на себя мои мысли, оно как я желал, чтобы он их слышал. Теперь сурьевич, сместив взгляд на главного дхисаджа, и, легонечко качнув

головой, спросил, – каковы Ковин ваши намерения по поводу нашего поразительного мальчика? Он может побыть с нами в приемном дворе амирнарха?

– Ваше высочество, Праджапати надоть отдохнуть и набраться сил, коль вы желаете, дабы завтра он принял власть, – отозвался Ковин Купав Кун таким тоном, ровно у меня все конечности не функционировали, а не просто левая нога.

– Добро, – незамедлительно и весьма покорно согласился Камал Джаганатх, и, наклонившись ко мне, поцеловал в лоб. – Тогда мы встретимся с вами, Лан-Эа, к вечеру. Когда сие позволит Ковин, и вы отдохнувший, подумав, мне молвите свой ответ, – добавил он, и, так как я вновь кивнул, испрямился, и, развернувшись медленной поступью, с большим достоинством создания мудрого, величественного направился к широким с арочным навершием дверям, богато инкрустированным резьбой и самоцветными камнями, чтобы вmale пропасть за раскрывшимися и сразу сомкнувшимися двумя створками. Оставив во мне состояние горечи и обиды за него... за столь неверные замыслы моего отца, которые с такой болезненной остротой теперь ему, Камалу Джаганатху, приходилось переживать.

– Не обижайтесь, ваше великолепие, – не громко произнес главный дхисадж, выводя меня из тех неприятных дум. – Но я взял на себя ответственность и хочу предложить нечто иное, тому, чтобы сидеть в приемном дворе амирнарха, – я медленно перевел взгляд с двери на тарховича и увидел широкую улыбку на его лице. – Тем паче мои возможности и власть в Тарх системе, на Садхане весьма значительна, и коль толковать правдивее, сосредоточена токмо в моих руках, никак ни Раджума. Обаче прежде чем вы услышите мое предложение, понадоба покушать.

Глава четырнадцатая

Ноне ел я много, и это вопреки тому, что выпил два кубана клеточного сока. Потому Никаля с подносом сменил не менее молчаливый Наэль. Весь тот срок моего поедания главный дхисадж стоял возле стенового проема, лишённого ограничения, наблюдая за красотами Садханы. Впрочем, стоило только и Наэлю покинуть комнату, сразу оглянувшись, и, воззрившись на меня, легошенько качнул головой в направлении водопада, на фоне которого я увидел летящую фигуру Чё-Линга. Только не привычного, а перевоплощенного, с веретенообразной формой туловища, и круглой головой, покрытого темно-коричневым панцирем. Теперь было и вовсе приметны три пары конечностей авитару, мало чем отличимые друг от друга, сравнительно ровные и одного размера, длины. Первые, на вроде патрубков, отходили от стыка головы и туловища, будучи более удлиненными и мощными. Вторая пара рук, словно выходящая из груди завершалась шестью короткими пальцами с небольшими воронками присосками на концах. А спиралеобразные ноги заканчивались черными крупными воронками. Впрочем, в сей раз Чё-Линг был снабжен еще и парой крыльев, выходящих из его спины, достаточно мощных, где серебристо-белые перья шли в несколько рядов.

Поколь я вглядывался в авитару, он значимо приблизился к проему в тереме, и срыву свернув крылья, сложил их на спине. А в следующий миг уже ступил на пол моей комнаты, оказавшись шагах в трех от Ковин Купав Куна, таким побытом, подтвердив мои догадки, что там отсутствует какая-либо преграда. И я, глянув на его несколько потянутую вверх собственной макушкой голову, где не созерцалось, как такого лица, увидел там всего-навсего два больших черных глаза, сложенных из сотен срезанных наискось залащенных граней, да длинные усы-антенны.

– Я просто убежден, ваше великолепие, что вы предпочтете пребыванию в гостях у амир-нарха, полет с Чё-Лингом, – произнес главный дхисадж, поглядывая на меня, и я, немедля, радостно закивал. – И будьте покойны, все время сего путешествия, вы будете находиться под присмотром и охраной не тока сотрудников Научного Ведомства, но и Военного Карауалауха. Пред полетом Никаль вас обуеет, ваше великолепие, а вы, Чё-Линг, – дополнил тархович, и, сойдя с места, направился мимо моего кресла к двери. – Будьте повнимательней, дабы мне не пришлось напоследки, требовать у Ананта Дэви вашего отвода от Праджапати, – он это сказал так, словно обращаясь, не столько надеялся на благоразумие авитару, сколько на мое. Посему я вновь и еще сильнее кивнул, а Чё-Линг поспешно откликнулся:

– Будьте покойны, пречистый гуру, все будет, аки мы и обговаривали с вами, – Ковин Купав Кун наблюдаемо качнул головой и усмехнулся, малостью перекосив свои вишневые губы. Потому я понял, он и не очень-то надеялся на наше благоразумие, всего только хотел меня порадовать.

– Токмо не долзе, абы Ананта Дэви не улетит в Атиши-ансамбль поколь не вызнает решение Праджапати, – добавил главный дхисадж уже возле смыкающихся створок, уводя вслед за собой Наэля и вспять того оставляя в комнате вернувшегося Никаля.

– Благодарю, пречистый гуру, вы самый лучший, – однако успел я крикнуть, когда дверь сомкнулась, а слуга с золотистыми сандалиями поспешил к моему креслу, да опустившись пред ним на колени, принялся меня обувать.

Я посмотрел на Чё-Линга, переведя взгляд с наклоненной головы Никаля где длинные, красные волосы, закрученные по спирали и спадающие к плечам были собраны в один пучок, и подумал, что хотел бы видеть не эти его черные фасеточные глаза, а привычные мне с желтыми радужками, где вместо зрачков наблюдались лишь всплески сизого цвета. Это была наша первая с ним встреча после смены властителя... И я несколько так волновался, не зная чего сам хотел авитару и, как он в целом отнесся к такому изменению, понеже несмело спросил:

– Ну, ты как? Ты не сильно рассержен тому, что я сменил тебе властителя, без твоего спроса.

– Да, вы, что ваше великолепие, как же я могу быть рассержен, – откликнулся он и бархатный его голос прозвучал ласково и единожды поддерживающе. – Вспять того рад, что вы не токмо защитили меня от гнева Ананта Дэви, но и сделали своим доверенным лицом. Да и вмаля я стану достопочтенный авитару самого БхаскараПраджапати, – досказал он и я уловил в его тоне уважение, почтение и гордость за себя и меня.

– Только пусть я так и буду сайбом для тебя, не хочу, чтобы ты меня называл сим высокопарным великолепием, – проронил я и засмеялся, так как рядом с авитару всегда ощущал себя еще мальчиком, которому дозволено ребячиться. Чё-Линг в ответ едва качнул своей шарообразной головой, и торопливо ступив с места, направился к моему креслу, немедля отозвавшись:

– Тока один на один, сайб. А иначе доложат Ананта Дэви, кой знали бы вы, как мене высказал, ащё и упрекнув вашим заступничеством. Благо при нашем толковании присутствовал негуснегести, кой всяк миг его сдерживал от гнева. Ужель-ка больно его высочество последние дни нервный какой-то, срывается не токмо на меня, но даже и на главного дхисаджа. Вже молчу я, как он запальчиво говорил надьсь с адмирал-схалас и канцлер-махари при обсуждении каких-то военных перестановок.

– Будешь тут нервный, когда такое узнаешь, – сказал я, впрочем, не став вдаваться в подробности, ведь это было для меня также волнительно, как и для Камала Джаганатха. Да и коль говорить правдиво, мне сейчас хотелось полетать с авитару, а не разговоры вести. Потому, стоило Никалю повязать ремни на моих лодыжках, и, поднявшись с колен, отойти в сторону, как я спустил ноги на пол. Чё-Линг меж тем поравнялся со мной, и, остановившись в шаге, легонечко качнул плечами, вместе с тем колыхнув своими сомкнутыми крыльями, на оных сразу затрепетали широкие и длинные перья, с ощутимым довольством пояснив:

– Сие разработки Научного Ведомства тарховичей. Под кожу вводят зачаток, не больше ногтя, и вже спустя получаса выбиваются из-под нее вот такие прекрасные крылья, вмаля разрастаясь. Боли никакой, одна приятность. Хотел было в своем истинном образе с вами полетать. Но главный дхисадж воспретил, пояснив, что коль вы без сопровождения, так я, непременно, должен быть экипирован. Засим мне их удалят, то вроде мгновенная процедура.

Он теперь подхватил меня подмышки, так и не позволив подняться, и развернув, так, что качнулись мои ноги, прижал к груди, крепко обвив двумя руками за стан. Да размеренной поступью направился к проему в стене, остановившись на самом краю пола. Поелику я, глянув вниз, увидел, как по лежащему под нами, весьма удаленному котловинообразному дну пропасти, поросшему лесными массивами, чьи кроны деревьев поражали бело-багряным цветом листвы, протекали тонкими ветками бело-серебристые воды речушек, каковые наполнял срывающийся с утеса водопад.

– Вы тока сайб не кричите, а то следящие за нами сотрудники Научного Ведомства, аль Военного Карауалауха подумают, что вам чего грозит и моментально нас перехватят, – произнес Чё-Линг и я, тяжело задышав, да с удовольствием глядя на такую высоту, в которой, как мне казалось парить мог и сам, и без крыльев, лишь кивнул. И тотчас авитару резко шагнул со мной вниз в саму пропасть, не просто полетев, а ощутимо низвергаясь, набирая скорость и, так молвить, падая камнем. И хотя в его способностях, в сей экипировке, была возможность замедлить движение, он это не стал делать, продолжив набирать скорость так, что не только свистел кругом воздух, но и срывающиеся капли воды осыпали мое лицо, материю нави.

А поверхность земли и вовсе как-то разом приблизилась, понеже я смог увидеть, что выступающие деревья тут с круглыми, конусовидными, пирамидальными, раскидистыми кронами колыхают багряными листьями. Сами по кромке прихваченные белой полосой, листья были жесткими, и сравнительно не большими, да сужены книзу, и вспять имеющие округлую верхушку, ровно разделенную на две или три. Деревья тут смотрелись высокими, с мощ-

ными стволами и пористо-трещиноватой, ярко красной корой. А ветви росли по всей поверхности ствола таких деревьев и опадающими нижними плотно прикрывали почву, которая толком и не наблюдалась. Так, точно в этих лесах создания, существа никогда и не ходили, только местами и то выходящими к речушкам, созерцались на почве тонкие тропы, набитые лапами зверья.

Скорость падения нашего увеличивалась, а когда до ближайших крон деревьев осталось не больше косой сажени, и сквозь ветви и листву я разглядел множество и вовсе мельчайших водоемчиков и тончайших ручейков, Чё-Линг резко раскрыл крылья и ошутимо ими, взметнув не то, чтобы взлетел, а застыл на месте. Предоставляя мне возможность разглядеть царящий внутри лесов полумрак и вроде стелющегося серо-желтыми полосами, пробивающимися чрез разрозненные кроны.

Это был, прямо-таки, водный край. Потому как, не считая более крупных речушек, превеликое множество наблюдалось на земле родников, ключей, криниц каковые не только струились по ней, но и, фонтанируя, выбивались из-под почвы, а пару-тройку шагов вновь ныряли под поваленные огромно-вывороченные стволы, ветви, ровно исчезая безвозвратно. Иногда такие тончайшие криницы впадали в небольшие разломы земли, образуя там маленькие водоемы, берега которых покрывали низинькие кустики с шершавыми мощными и тут червлеными стволами, многократно расчлененными, да уплощенными ветвями. Порой там росли розовые ветвистые растения, на удивление, не имеющие листья, а потому перевитые белыми стебельками лишайников, на кончиках и вовсе похожих на пучки, местами образующих перепутанные шарообразные гнезда, витые аль вспять нити. Сухие листья, корни, побеги и крупные камни (опушенные прямостоячими, короткими пурпурными мхами, да лишайники в виде белой, рыжей корочки) выстилающие остатки не занятой водой земли делали расположившийся внизу лес глухим и непролазным. Хотя множество звуков, не только свиста и трелей птиц, воя зверей, гудение насекомых, хруста и треска веток, стволов, не говоря о бурлении воды, однозначно указывали, что лесные массивы тут обитаемы и явно оберегаемы тарховичами.

Мы парили на одном месте не долго, лишь до того момента, как я более-менее оглядел сам лес, а после Чё-Линг рывком взмахнул крыльями и мы понеслись вверх. Вскоре не просто поравнявшись с моим теремом, который стоял на дугообразном, каменистом утесе, а воспорив чуть выше и там вновь замерев. Посему я теперь хорошо смог осмотреть и свой терем, опять же созерцающийся дугообразно выгнутым многоярусным строением, достаточно мощным и словно сотворенным из камня, потому и переливающегося бело-перламутровым цветом. Крыша терема представляла собой многогранный сомкнутый свод, завершающийся трисаптата стоящими обок друг друга сфероконическими главами с изумительными по красоте накладками серебристо-белых с голубоватым отливом, и тут выполненных из граивейя, увенчанных золтыми длинными шпильями. Многообразием отличались изразцы украшающие карнизы стен с точной прорезью древовидных стволов, изгибающихся отростков, усиков и широких листов. И если на самом высоком уровне, где и располагалась моя комната, считай посередине терема, наблюдался проем, в последующих помещениях, как и в трех следующих под ними этажах (и естественно помещениях) в стенах поместились большие с округлым навершием окна переливающиеся бело-прозрачными стеклами с нанесенными на них изображениями цветов, деревьев, трав, преимущественно багряного, пурпурного, малиновых цветов.

Ярким светом внезапно мелькнула надо мной длинная и достаточно широкая полупрозрачная полоса, весьма удаленно висящая под серым небесным куполом, посему сквозь нее созерцаемо преломлялись, лишь после падая вниз, желто-розовые лучи Тары и Лакшми. Их белые диски от сего подвешенного и весьма мощного предмета и сами смотрелись несколько приглушенного сияния, как и желтый ореол, каковой они распространяли.

– Что это, Чё-Линг на небе? – указывая на увиденное явное устройство, спросил я, все еще держа вскинутой голову.

– Накопитель, – незамедлительно произнес авитару и сделал несколько плавных взмахов крыльев, с тем слегка развернув меня в сторону водопада. – Это устройство, кое накапливает, преобразовывая звездное излучение в энергию, она питает ближайшие терема континента. На континенте Зара находятся терема лишь амирнарха, главного дхисаджа, канцлер-махари, адмирал-схалас, сердара исполнительного и распорядительного Десаха и еще порядка пятнадцати тарховичей. И днесь яснее ясного ваш терем, для которого, как пояснял амирнарх, Ананта Дэви выбрал самое живописное место.

– А, что тут на континенте нет терема Камала Джаганатха и пара-митры? – спросил я, сейчас уставившись на расположившийся, как раз напротив меня и Чё-Линга, срывающийся большим потоком бело-серебристый водопад. Кой, как, оказалось, выбивался не с вершины утеса, а чуток пониже и из самой стены, да собственным падением создавал курящуюся дымку, чьи переливы наполнялись ниспадающими лучами Лакшми и Тары.

– Ананта Дэви, негуснегести и прабха всегда останавливаются в Атиши-ансамбле, тут у них нет теремов, – отозвался Чё-Линг, и его неспешный полет, успокаивающий, как мне почудилось, был словно кем-то выверен, как и сам разговор. – Его высочество и вовсе весьма скромно и непритязателен. И все, что для него сделано в том же Атиши-ансамбле, лишь желание амирнарха и канцлер-махари. Он о том их никогда не просил. Понеже не надобно, саиб, на него гневаться, абы он вельми вами дорожит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.